№ 63 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ИЮЛЬ 1961 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

37-й год издания

1911 - ПОЛВЕКА - 1961

Полвека просуществовала анархическая печать на русском языке в Соединенных Штатах. В связи с этим, следует оглянуться назад, бросить беглый взгляд на пройденный путь и подвести некоторые итоги.

Зародилась русская анархическая печать в США так же, как она зарождалась в других странах — усилиями и стараниями политических эмигрантов. Как правило, политические эмигранты, попадая в страну, гарантирующую хотя бы относительную свободу слова и печати, в первую очередь старались наладить выпуск своего печатного органа. Так поступил Герцен со своими друзьями; так поступали другие политические эмигранты; так поступили и анархисты, очутившиеся в начале этого столетия в Америке. Иначе и не могло быть. Без своего печатного органа политический эмигрант — то же самое, что воин без оружия. Печатный орган — единственное оружие в руках политического эмигранта, при помощи которого можно продолжать борьбу, начатую еще в России. Само собой понятно, что об'ектом борьбы в таких случаях всегда было и всегда будет то, что заставляет политического эмигранта стать политическим эмигрантом: порядки на его родине. Почти все печатные органы русских политических эмигрантов, издававшиеся в западноевропейских странах, предназначались главным образом для нелегального ввоза в Россию. И не только потому, чтобы этим подтачивать монархию, но и потому, что в тех странах, где эти органы издавались, не было массового читателя. Соединенные Штаты в этом отношении являлись исключением: здесь был массовый читатель. Приезжавшие сюда тысячами на заработки молодые люди представляли собой обширную ниву, на которой можно было сеять „разумное, доброе, вечное". Вот на этой ниве и начали трудиться отважные сеятели...

На обильный урожай в начале, конечно, не приходилось расчитывать. Люди,

ехавшие сюда с единственной целью — скопить немного денег, а затем обратно вернуться в свой родной уголок, мало интересовались социальными проблемами. Можно сказать, что социальные проблемы для подавляющего большинства приехавших в Америку русских людей были совсем чужды и непонятны. Этим и об'ясняется почему до революции в России идейные органы, издававшиеся здесь, хотя и прогрессировали, но медленно. Успевали до известной степени (особенно после возникновения войны) чисто обывательские газеты, но не идейные органы. Революция все изменила. То, что вчера казалось малоинтересным, сегодня стало самым интересным. У людей, еще недавно проводивших свободное время у стойки, у бильярдных столов или же за картами, пробудился интерес к социальным проблемам. Все вдруг захотелось знать, все осмыслить. И пошли люди — не единицами и не десятками, как прежде, а тысячами — не в кабаки, а в радикальные организации. А возвращаясь из организаций домой, несли в карманах не „пайтики", как раньше, а книжки Кропоткина, Бакунина, Жана Грава, Элизе Реклю и дрг. анархических теоретиков. Литература в организациях раскупалась нарасхват, посещаемость лекций по анархизму была так велика, что устроителям приходилось снимать самую обширную залу в городе (иногда то был самый большой театр). Спорить или дебатировать публично с анархистами в то время было бесполезно. Ни один профессор не мог конкурировать, например, с Сашей Черновым. Памятен еще диспут на тему об интеллигенции и рабочих, на котором точки зрения интеллигенции развивал ныне уже покойный Д. З. Крынкин (тогда он еще не был большевиком). Говорил он красиво, за словом в карман не лез, одет был, что называется, с иголочки, с цветком в петлице. И когда кончил свою речь — раздались жидкие аплодисменты: аплодировали близкие друзья Крынкина. Но вот из боковой двери на сцену медленной походкой вышел небольшой человек, в обыкновенной рабочей рубахе, в брюках песочного цвета, одна штанина которых была длиннее, а другая — короче. То был Саша Чернов. Сказав несколько обычных вступительных слов, он вдруг, топнув о пол ногою, провозгласил: „Хозяином мира будет труд!" Раздался гром аплодисментов. Казалось, что стены здания не выдержат — рухнуть. Красивая речь Крынкина была похоронена несколькими словами Саши Чернова.

Теперь мы иногда сетуем на то, что среди нас нет высокообразованных людей, что самую сложную работу приходится вести простым рабочим, а не профессорам. Не то было в первые годы после русской революции. Не профессора тогда срывали бурю аплодисментов, а простые рабочие, сказавшие какое-нибудь меткое слово. Даже такому всесторонне образованному человеку, как покойный Оберучев, не раз приходилось ретироваться под натиском простых людей.

Да, то было особое время.

Русская революция, однако, оказалась палкой о двух концах. Вызвав среди широких слоев русской колонии большой интерес к социальным проблемам, она в то же время положила конец политической эмиграции. Как только царское правительство пало, всем политическим эмигрантам открылся не только свободный доступ, но и бесплатный проезд в Россию. Этим воспользовались и издатели „Голос Труда" — первой русской анархической газеты в Соединенных Штатах. Несмотря на то, что в силу вышеизложенного перед „Голосом Труда" открывались широкие возможности (можно было перейти на ежедневное издание), издание газеты было приостановлено. Приостановлено, конечно, для того, чтобы опять начать свой путь, но не в Америке, а в России, куда в то время устремлялось все, что так или иначе было связано с революцией.

И русская колония в Америке как раз в то время, когда в ее рядах пробудился интерес к анархизму, осталась без анархического органа. Но тут вступило в силу

известное правило, согласно которому всякий спрос рождает предложение. Известно, что если на рынке есть спрос на какие-нибудь предметы, то через некоторое время появятся и эти предметы. Так получилось и с анархической печатью. По истечении нескольких месяцев после от'езда редакции и типографии „Голос Труда" в Россию, в Нью Иорке появилась новая еженедельная анархическая газета — „Хлеб и Воля", а через некоторое время к ней присоединилась ежедневная газета — „Рабочий и Крестьянин", а потом и толстый, теоретический ежемесячный журнал. Так что перенесение издания „Голоса Труда" в Россию было с лихвою компенсировано. Русских изданий в Америке в то время было много, и среди них анархическая печать начала быстро занимать прочное место. Нет никаких сомнений, что, не будь палмеровских погромов, анархическая печать заглушила бы все остальные русские газеты в Америке. Не помогли бы и коммерческие об'явления, которых в анрахической печати не было, но которыми жили и питались все частные издания.

Палмер своими набегами на анархические организации и своим разгромом типографии на 15 улице, в Нью Иорке, где печатались анархические издания, помог частным газетам. Анархическая печать была разгромлена, но не убита. Произошло то, что происходит после подрезания травы на лужайке возле дома. Как низко ни подрезай траву, она всеравно через некоторое время опять отрастет. „Отросла" и анархическая печать, но не в том виде, в каком она существовала раньше. Не имея возможности действовать легально, все силы были направлены в подполье. Но печатные органы появились...

Здесь уместно сделать маленькую оговорку. Очень часто приходится слышать, что анархическое движение было разложено тем или иным суб'ектом, что печатный орган погиб по воле такого-то и такого-то лица. Слов нет, любой человек может причинить много разных неприятностей, может принести много огорчений и бед, но разложить движение или убить печатный орган все же не может. Такого удара, какой был причинен нашему движению палмеровскими погромами, никто в отдельности не может сделать. И все же наше движение от палмеровского удара не погибло. Оно возродилось, ибо внутри движения были живительные силы, являющиеся тем же самым для движения, чем являются корни для травы: сколько верхушку ни срезай, но если есть корни — трава опять будет расти.

Если же теперь наше движение вступило в период сумерек, если наши печатные органы догорают, то вина тут не отдельных личностей, а ... законов жизни, от которых никто, в том числе и анархисты, избавиться не может. Что же это за законы? Прежде всего нужно иметь в виду, что мы — эмигранты. Живем мы не в той стране, где мы родились, работу же свою ведем именно на языке той страны, в которой мы родились, вследствие чего наша работа происходит в тесном замкнутом кругу. За пределы этого круга она не выходит. Коренное население Америки нас не слышит, ибо не знает языка, на котором мы говорим.

Эмиграция — одно поколение. (Исключения бывают только в тех случаях, когда эмиграция слишком многочисленна и когда она состоит из высокоразвитых в культурном отношении лиц). Со смертью этого поколения умирает и все то, что эмиграция имела. Это в особенности верно в отношении русской эмиграции. Ехали в Америку, как известно, почти исключительно мужчины. Женщин сравнительно мало приехало сюда. Поэтому процент холостяков у нас слишком высок, а процент семейных слишком низкий. В результате этого наше второе поколение — немногочисленно. Даже если бы оно переняло наш язык и наши принципы, то смена была бы небольшая. Но наше второе поколение, к сожалению, ничего от нас не переняло. Оно слилось с американской жизнью. Остались мы без смены, без бу-

дущего. Умрем мы — умрет и все то, чем мы жили.

Это относится не только к нашей идейной печати. Относится это ко всей печати на русском языке. Больше того: ко всей печати на всех иностранных языках. Ни один печатный орган на иностранном языке не имеет будущего. Срок его кончины может быть немного отодвинут, но все же срок этот предрешен. Здесь весьма кстати вспомнить то, что произошло 75 лет тому назад в Чикаго. Тогда на одной из чикагских площадей (на Сенной площади) разыгралась кровавая драма. Рабочие, страдая от хронической безработницы, решили требовать сокращения рабочего дня: 8 часов вместо 10 или 11 часов. Хозяева отказали рабочим в их требованиях. Тогда рабочим ничего не оставалось, как выйти на забастовку. Забастовка была приурочена к 1-му мая, как дню, когда все пробуждается к жизни. На забастовку хозяева ответили репрессиями: в ход были пущены войска и наемные стражники, в результате чего многие бастующие пострадали. Чтобы выразить свой протест рабочие созвали на Сенной площади митинг. Митинг проходил вполне спокойно пока не подошли туда посланные для разгона митинга отряды полицейских. Кто-то бросил в ряды полицейских бомбу, и вина за это была приписана устроителям митинга. Всех руководителей митинга арестовали, судили, некоторых присудили к тюремному заключению, а некоторых к смертной казни.

Какое же это отношение имеет к нашей теме? А вот какое. Почти все пострадавшие в результате кровавых событй на Сенной площади были немцы. Выражали они свои мысли и чаяния на немецком языке. Немецкая печать (разных направлений и течений) в то время была очень сильна и влиятельна. К ее голосу прислушивались, с ней считались. А где теперь эта печать? Ее уже давно нет. Если еще и есть коекакие немецкие газеты и журналы, то они по сравнению с той немецкой печатью, которая существовала 75 лет тому назад, не что иное, как „последняя тучка рассеянной бури", как выразился Пушкин. Сильной и внушительной немецкой печати давно нет. Закатывается на наших же глазах и одна из могущественнейших иноязычных печатей в Америке — еврейская. Те из нас, кому пришлось после приезда в эту страну жить в Нью Иорке, конечно, помнят как бывало чуть-ли не каждый час по улицам Ист-Сайда бежали подростки с кипами газет под мышкой и разными голосами кричали: „Экстра!", „Экстра!", „Экстра" тогда означало очередной выпуск еврейской газеты. „Форвертс" выходил три-четыре раза в день. А где теперь эти „экстра"? Их уже давно нет. Правда, некоторые еврейские газеты все еще регулярно появляютя каждый день, но эти газеты по сравнению с прежними то же самое, что муха по сравнению с орлом. А ведь все эти газеты коммерческие, существующие на об'явлених. И если коммерческие газеты постепенно скатываются вниз, то что же говорить об органах идейных, не имеющих никаких коммерческих об'явлений? И если такие великаны, как немецкая, еврейская, итальянская или польская печать клонятся долу, то такое тоненькое деревцо, как русская печать, должно совсем пригнуться к земле. Так оно в сущности и есть. Естественное (самостоятельное) существование русской печати давно прекратилось. Существующие ныне в Соединенных Штатах русские печатные органы нельзя назвать естественными, ибо они существуют не самостоятельно, а при поддержке со стороны. Они похожи на ребенка, которого ведет за руку няня. Без помощи няни ребенок самостоятельно идти не может. Няней в данном случае является государство. Правительствам, участвующим в холодной войне (а какое правительство теперь в этой войне не участвует?) нужна печать на разных языках. Как „горячая" война немыслима без армии, так „холодная" немыслима без печати. Поэтому из правительственной кассы ежегодно отпускается известная сумма на поддержку разноязыч-

ной печати, в том числе, конечно, и русской. Без этой поддержки русских газет в Америке давно не было бы. Радикальная печать, а анархическая — в особенности, расчитывать на помощь со стороны государства, конечно, не может, поэтому она первой должна испить горькую чашу до дна.

Вот причина догорания костра, когда-то ярко пылавшего. Не происки отдельных личностей (хотя значения или же вреда этих происков, конечно, отрицать нельзя), а создавшиеся условия тянут нас ко дну. Эмиграция из России давным давно прервана, притока свежих сил нет, оставшиеся же здесь русские люди не могут быть библейскими Мафусаилами. Они такие же смертные, как и все остальные люди. За последнее время ряды русской колонии значительно поредели. Многие, очень многие ушли туда, откуда нет возврата, а вместе с ними должно уйти туда же и все то, чем эти люди жили и чем они интересовались. Таковы законы жизни, которых никто из нас не может игнорировать.

Если считать русскую колонию в Америке Россией в миниатюре (а так оно и должно быть), то не трудно заключить, что если бы в России существовала хотя бы относительная свобода слова и печати, то вся страна была бы покрыта анархическими печатными органами. Ни одно политическое течение не нашло такого широкого отклика в рядах русской колонии в Америке как анархизм. Таких многочисленных организаций, как анархические, ни одна партия не имела. Таких распространенных печатных органов, как анархических, никто не знал. Анархическая печать заглушала всю остальную печать, даже коммерческую. А издание книг... Кто издал столько книг, сколько их издали анархисты? То же самое, но в гораздо больших размерах и в лучшем виде, было бы и в России, если бы там была свобода печати. К сожалению, в России почти никогда не было свободы слова и печати. Боялись цари свободного слова, боятся и большевики. Запрещалось при царях говорить об анархизме, запрещается и при большевиках. И население страны живет с замком на устах, ничего не зная и ничего не слыша о том учении, к которому оно больше всего склонно и которое ему больше всего нужно.

Давно кто-то сказал, что русский крестьянин по своей природе анархист. Старая русская колонив в Америке, состоявшая преимущественно из крестьян, это вполне подтвердила. Когда назрело время выбора между социальными идеями — все стали анархистами, все пошли в анархические организации. И пошли не для того, чтобы быть там в качестве статистов, как это бывает когда записываются в страховое общество, а для того, чтобы принять самое живое участие в общей организационной работе. Всем хотелось хоть чем-нибудь помочь общему делу. Пассивным зрителем никто не хотел оставаться. То же самое произошло бы и в России, только, конечно, в гораздо больших размерах, если бы там можно было говорить об анархизме. Там тоже началась бы кипучая деятельность, и многое из того, что до сих пор не удается властям разрешить, было бы разрешено скоро и просто самим населением. Ибо никто так хорошо не может разрешать житейских проблем, как само население.

Вот на что следовало бы обратить внимание „спасителям" России. (Они, конечно, на это внимания не обратят, ибо „спасают" они Россию по образу и подобию своему). Для того, чтобы в стране жизнь била ключем, в основе должны лежать те принципы, на которых базировались русские анархические организации в Америке. Никаких „централов" не было, все шло снизу вверх. „Исполкомы" существовали только для того, чтобы проводить в жизнь то, что шло от периферий. И работа шла не хуже, а в некоторых отношениях даже лучше, чем там, где все делается по приказу из центра.

Тут следует хотя бы бегло представить, что же это были за люды, выполнявшие эту работу. Массовый наплыв рус-

ских рабочих в анархические организации достиг зенита в 1919 году. Не только в городах, но даже в некоторых фермерских поселениях существовали тогда Союзы Русских Рабочих. Хотя люди, хлынувшие в организации, прожили в этой стране около 5-ти лет, а то и больше, но они оставались почти теми же деревенскими людьми, какими приехали в Америку. Только оделись по-американски и заучили несколько английских слов, в остальном же оставались такими же, какими были до приезда в Америку. И вот этим простым деревенским людям пришлось выполнять ту работу, которая под стать только людям с университетским образованием. Нужно иметь ввиду, что с от'ездом политических эмигрантов в Россию, интеллектуальная прослойка в анархических рядах оказалась весьма тоненькой, а после палмеровских погромов почти никаких интеллектуальных сил не осталось. Работа же не ждала. Нужно было ее выполнять. И она выполнялась. Как выполнялась — другой вопрос, но никогда дело не останавливалось из-за отсутствия нужных работников. Самообразование делало свое дело. Попав в организации, русские люди сразу же убедились, что их умственный багаж невелик, потому усердно взялись за самообразование. Лекции, чтение книг, вечерние курсы — было то, на что уходило свободное время. И в сравнительно короткий срок из рядов этих простых деревенских людей вышли свои поэты, писатели, журналисты, докладчики, артисты, музыканты, хористы и т. д. И если все это могло дать сравнительно небольшое русское население в Америка, то население России могло бы дать это в гораздо больших размерах, если бы там могло практиковаться то, что практиковалось в анархических организациях в Америке. Самодеятельность залог успеха. Где есть самодеятельность — дело процветает. Где нет самодеятельности — нет и успеха. В авторитарном обществе самодеятельности нет; там все делается по приказам свыше; низшие слои населения там являются простыми исполнителями приказов, поэтому они нисколько не заинтересованы в том деле, которое выполняет. И в результате — дело чахнет. Лучшим примером пагубности приказов свыше является нынешняя Россия. Лучшим примером плодотворности инициативы на местах являются русские анархические организации в Америке.

Полувековое существование эмигрантской печати, даже коммерческой — большое и редкое событие. Если же этот период пройден идейной эмигрантской печатью, не имеющей на своих страницах платных об'явлений, то это граничит с чудом. Было бы, однако, большим бахвальством утверждать, что мы создали что-то особенное, сверх-обычное, и что наша работа всегда шла как по маслу. Нет, этого утверждать не станем, Мы знаем, что наша работа далека от совершенства, и что не всегда она шла гладко. Но, во-первых, совершенен только Бог, а, во-вторых, много можно требовать лишь от того, кому много дано, но не от того, кому почти ничего не дали. Если бы в то время, когда мы еще жили в своих деревнях, кто-нибудь сказал, что вот эти люди поедут в Америку и там будут издавать свои газеты, журналы, выступать на сцене в роли героев Островского, играть в оркестрах, открывать кооперативы и т. п., то говорившего подняли бы на смех. А вот все это случилось. Почти как в сказке...

Подчеркивая все это, мы отнюдь не намерены прикрываться, как щитом, деревенской простотой, или же щеголять ею, или считать ее каким-то идеалом. Нет, „деревенщина", означавшая неграмотность и невежество, идеалом быть не может. Человек должен учиться, должен все знать. К этому мир должен стремиться. Но мы не можем отрицать фактов. Факты же говорят, что наша работа была проделана в большинстве случаев людьми, не получившими на родине даже начального образования.

Естественно, что вследствие вышеизложенного, а так же в силу присущих всем людям слабостей, наша работа иногда

тормозилась. Как бы мы себя ни называли — хотя бы даже анархистами — но все же мы — люди с присущими природными достоинствами и недостатками. Обычно человек, как существо разумное и сознательное, контролирует свои недостатки. Бывает, иногда, что контроль ослабевает. Человек в таких случаях может сделать поступок, не достойный звания человека, а тем более — анархиста. Случались такие поступки и в нашей среде,—иногда на почве честолюбия, а иногда на почве корыстолюбия (соблазн, вызванный деньгами). Но наша работа из-за этого не прерывалась. Спотыкаясь, мы продолжали свой путь. Дошли до пункта, где написано: „50 лет". Пойдем и дальше, пока хватит у нас сил. Только с нашей смертью умрет то, чем мы жили и интересовались. Хотя у нас будущего нет, хотя мы лишены прямой преемственности, но... идеи не наследственны. Могут они передаваться по наследству, но могут и не передаваться. Нам их никто не передал. Пришли они к нам из-вне. Могут они и в другом месте придти из-вне. Идеи бессмертны. Умрем мы, умрет вместе с нами наша работа, но идеи никогда не умрут.

Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает.

Так утешал себя угасавший Надсон. Будем утешать себя и мы. Особенно, приняв во внимание, что „и мы не праздно в мире жили". Мы сделали все, что могли. Большего от нас нельзя требовать. В бурю и непогоду, мы шли вперед... навстречу грядущему солнечному дню. Дня этого мы не встретили, но когда-нибудь люди его встретят.

Автономов

АНАРХИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В США

Л. Лазарев в 1912 г.

От Ред.: Помещая ниже отрывки из неизданной книги тов. Л. Лазарева (Л. Липоткина), считаем нужным сказать хоть несколько слов об авторе этих отрывков. Лазарев приехал в Соединенные Штаты — в самом начале массовой эмиграции из России — уже сложившимся анархистом, и до самой своей смерти (9-го марта 1959 г.) оставался верен своим идеям. Вышло, однако так, что Лазарева не заметно было в нашем движении. Шумели и гремели другие имена, но не Лазарев. Об'ясняется это тем, что Лазарев все время жил в стороне, у самой канадской границы, хотя и в большом городе, но все же „на отлете" нашего движения. Движение наше бурлио и клокотало в больших индустриальных центрах, как Нью Иорк, Филадельфия, Детройт, Питтсбург и т. п., куда Лазарев мог приезжать лишь временами на несколько дней. В силу всего этого, Лазарев в нашей организационной работе не мог принимать деятельного участия, но в той работе, которую принято называть работой пера, Лазарев всегда был в первых рядах. Писал он много как для периодических изданий, так и для „будущего". Результатом последнего явилось то, что после смерти Лазарева осталась большая рукопись — история русского анархического движения в Соединенных Штатах. Нам уже удалось некоторые страницы из этой обширной рукописи перепечатать; надеемся, что и в будущем мы не будем лишены возможности делать это.

Возможно, что труды Лазарева кое-кого не удовлетворят. Возможно, что в них порой от-

сутствует ясность, точность и даже об'ективность. Но все это должно быть прощено автору, если принять во внимание в каких условиях он работал. Как отмечено выше, жил Лазарев в стороне от нашего движения, куда доносилось лишь эхо нашей работы. Не имея первоисточников, Лазареву часто приходилось ,,улавливать", так сказать, догадываться о том, что происходило. Информациями он пользовался из вторых рук, и эти информации не всегда оказывались верными. Есть еще одно обстоятельство, заставляющее ,,сменить гнев на милость". Обстоятельство это — физическое недомогание Лазарева: он страдал близорукостью. Нужно удивляться (а не возмущаться) той работой, которую Лазарев, несмотря на свое физическое недомогание и несмотря на оторванность от центров, смог проделать. Поистинне трудился, как рабочая пчела, до самой своей роковой минуты...

К общему нашему стыду, о Лазареве до сих пор не было написано хотя бы маленького некролога. Об'ясняется это все тем же, что Лазарев жил в стороне от нашего движения и что его жизнь мало кому была известна. Об'яснение это хотя и веское, но малоудовлетворительное. Лазарев заслуживает гораздо большего. Он отдал все, что мог, нашему движению. Не обладая особым здоровьем, он, тем не менее, стойко стоял на своем пусту. Никогда не отступал, не блуждал и не изменял своим идеям. Примкнув еще в России к кропоткинскому течению, он всю жизнь оставался анархо-коммунистом.

Будем надеяться, что наш долг перед тов. Лазаревым будет когда-нибудь отдан с лихвою, т. е. что кто-нибудь из товарищей посвятит ему обстоятельный некролог. Лучше поздно, чем никогда...

,,ГОЛОС ТРУДА"

До выхода в свет ,,Голоса Труда" русское анархическое движение в США находилось в зачаточном состоянии. В некоторых городах были небольшие группы или кружки, но они не были связаны между собою. С выходом же ,,Голоса Труда", началась планомерная организационная и пропагандистская деятельность этих групп.

Первый номер Голоса Труда" вышел в Нью Иорке в марте месяце 1911 года. Газета сразу же заняла позицию независимого рабочего органа, ответственного в своей деятельности перед рабочим движением. Глубоко веря, что ,,освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, ,,Голос Труда" указывал рабочим на опасность, угрожаемую им со стороны разных политических партий, вожаков и демагогов, прикидывающихся друзьями рабочих, а на самом деле являющихся их врагами. Он призывал рабочих добиваться освобождения своими собственными силами и не доверяться никаким политическим или социалистическим партиям, стремящимся к завоеванию власти и господству над рабочими. Он развивал на своих страницах анархические, синдикалистские и революционные идеи, призывал всех рабочих к сплочению, солидарности и к борьбе за лучшую свободную жизнь. Указывая на то, что Россия находится под двойным ярмом царизма и капитализма, ,,Голос Труда" напоминал всем сознательным рабочим и революционерам, что их нравственный долг — помочь революционному и анархическому движению на родине, стремящемуся к уничтожению старой государственно-капиталистической системы и устройству новой жизни на свободных и равных началах.

Ясно и громко звучал ,,Голос Труда" в первые годы своего существования. Его сильный и решительный голос будил и волновал ум и сознание русских рабочих. Он призывал всех — организованных и неорганизованных — рабочих к активной организационной и просветительной деятельности. Благодаря его идейному влиянию, русские рабочие начали организовывать во многих городах клубы, библиотеки и школы, начали устраивать доклады и лекции по вопросам, касающимся рабочего движения. Возникавшие споры и дискуссии в этих клубах по тем или иным вопросам помогали рабочим находить правильные ответы на все вопросы. Многие из этих клубов впоследствии реорганизо-

вались в Союзы Русских Рабочих, для которых „Голос Труда" стал организационным и идейным руководителем. До марта 1913 года таких Союзов было 14. При некоторых из них были организованы „группы содействия „ГТ". Заветной мечтой этих групп было — преобразовать ежемесячное издание „ГТ" в еженедельное. Эта мечта осуществилась в сентябре 1914 года.

Более трех лет „Голос Труда" выходил ежемесячно, но в 1914 г. начал выходить еженедельно под редакцией М. Раевского (1870-1931). Еженедельное издание „ГТ" было встречено русскими рабочими с большим восторгом. В том же году назрела необходимость об'единения многочисленных клубов и организаций в одну Федерацию, которая признала бы „Голос Труда" своим идейным органом. Это фактически было достигнуто на первом учредительном с'езде Союзов Русских Рабочих, об'единявшем большинство организаций в Федерацию, принявшую однородную программу организационной и просветительной деятельности.

На этом с'езде, заседавшем в Детройте с 1-го по 6-е июля 1914 года, присутствовало 16 делегатов и несколько гостей. Делегаты представляли 24 организации, насчитывавшие в общей сложности 600 членов. Обсуждению подлежали следующие наиболее важные вопросы: 1) еженедельное издание „Голоса Труда", 2) направление газеты, 3) отношение Федерации к американскому рабочему движению, 4) отношение к революционному движению в России, 5) задачи и цели организаций, входящих в Федерацию и 6) издание анархической литературы.

По первому вопросу было решено: Начиная с сентября 1914 г., издавать „Голос Труда" еженедельной газетой, официально принадлежащей Федерации Русских Рабочих. Было также решено издавать ежемесячник „Голос Труда" специально для нелегального распространения в России. По второму вопросу, долго обсуждавшемуся и вызвавшему много споров, было решено, что в своей организационной и пропагандистской деятельности „Голос Труда" будет придерживаться анархо-синдикалистского направления. По-третьему вопросу была принята резолюция в том смысле, что русские рабочие в Америке должны всеми силами поддерживать экономическую борьбу американских рабочих, выражающуюся в забастовках, демонстрациях и т. п. выступлениях. По четвертому вопросу принятая резолюция гласила, что „русско-американские рабочие должны усиленно поддерживать все революционные выступления трудового русского народа, стремящегося к освобождению России от царизма, капитализма и власти". По пятому вопросу было решено, что Федерация Союзов Русских Рабочих будет одновременно преследовать двоякую цель: революционное воспитание русских рабочих и подготовку организаторов и пропагандистов для анархического движения в России и в Америке. По шестому вопросу было решено приступить в ближайшем будущем к изданию следующих книг: „Хлеб и Воля" — П. Кропоткина, „Что такое анархизм?" — Новомирского и „Анархо-синдикализм" — М. Раевского.

На этом же с'езде был принят делегатами „Привет русским борцам" в следующей форме:

„Первый с'езд делегатов Союзов Русских Рабочих Соединенных Штатов и Канады, отметив радостный факт совпадения первого с'езда русских рабочих в Америке с под'емом рабочего движения на родине, посылает братский привет всем заключенным в тюрьмах царского самодержавия и всем борцам русского и интернационального революционного движения, одним из отрядов которого стремится стать и Федерация Союзов Рабочих в Соединенных Штатах и Канаде".

Ободренные успешным ходом с'езда, делегаты раз'ехались при твердом решении усиленно работать на местах в духе принятых резолюций. С'езд влил свежую струю в деятельность Федерации Союзов Русских Рабочих.

Между тем, начавшаяся в Европе война,

разрывая нити солидарности и угрожая международному рабочему движению, постепенно превращалась в мировую бойню. С самого начала войны „Голос Труда" занял четко выраженную антимилитаристическую позицию. В целом ряде редакционных статей: „Почему европейский пролетариат не устроил всеобщей стачки?", „Государство и война", „Капитализм и война", „П. Кропоткин и война" и др. ясно указывалось на причины возникновения войны и способы борьбы против нее. Считая государство и капитализм главными виновниками войны, а всеобщую стачку — единственным верным орудием борьбы против нее, „Голос Труда" все время придерживался своей определенной антивоенной позиции.

Война, как известно, приносила победы и поражения не только на военных фронтах, но и на фронте рабочего движения. Рабочее движение вследствие войны расстраивалось, дезорганизывалось. В социалистических и анархических рядах образовался раскол по вопросу об участии или неучастии в войне. Но в то время, как большинство социалистов поддерживало войну, большая часть анархистов была против войны и позиции, занятой Кропоткиным и ближайшими его друзьми.

(Продолжение следует)

ТО, ЧТО БЫЛО

Федерация Союзов Русских Рабочих насчитывала в своих рядах несколько тысяч членов. Так как еженедельная газета, „Голос Труда", издавалась в Нью Йорке, и так как Редакционная Коллегия входила в членский состав Союза Русских Рабочих № 1, то этот Союз был руководящей единицей в Федерации. Поэтому же было интересно быть членом этого Союза. В 17 году членами Союза № 1 были: Волин, Шатов, Мухин, Бел и другие анархисты-интеллигенты, помогавшие нововступавшим членам разбирать толково возникавшие вопросы, подготовляя их, таким образом, к самостоятельному мышлению и к самодеятельности. В Союзе существовало постоянное оживление.

В это время Америка вступила в войну, бывшую уже в полном разгаре. Вся индустрия страны была переключена на производство братоубийственных орудий. Являясь верными анархическому учению, отрицающему империалистические войны, члены в Союзе на собраниях поднимали вопросы: можно ли анархистам работать на амуниционных заводах или же в предприятиях, косвенно содействующих производству амуниции? Член Союза Мухин работал инструментальщиком. На одном из собраний было выдвинуто против него обвинение в том, что он, работая инструментальщиком, косным образом содействует производству братоубийственных орудий, ибо без надлежащих инструментов немыслимо производство доброкачественных орудий. Мухин и защищавшие его доказывали, что во время войны все отрасли промышленности воюющих стран, в том числе производство хлеба, обуви, одежды и т. д. направлены для поддержания армий. Отсюда делали вывод, что единственной мерой для прекращения войны является всеобщая забастовка. Приняв это во внимание, обвинявшие Мухина сдались и он оказался оправданым.

В это же время были освобождены в связи с революцией в России политические заключенные. Под давлением Советов Рабочих и Солдатских Депутатов Временное Правительство разрешило политическим беженцам вернуться в Россию на казенный счет. Сначала уезжали только политические беженцы, но потом удалось уехать и некоторым из тех, кто не принад-

лежал к политическим беженцам. Об этом в России узнали и возвращение на казенный счет в Россию было прекращено. До этого в Россию успело уехать несколько групп. В одной из этих групп был Троцкий со своей женой и мальчиком. В Бруклине на пристани перед отплытием парохода собралось много людей, среди которых были и большевики, поклонники Троцкого. Когда Троцкий был уже на пароходе, то кто-то из его поклоников крикнул: „Товарищ Троцкий произнесите речь". Тот ответил: „Товарищи, теперь не время произносить речи, в России революция, свергнут царь, нужно ехать в Россию углублять революцию, создавать красную гвардию и двинуть ее в Германию для свержения Кайзера". Таким образом Троцкий дал понять, что он уже тогда лелеял соблазнительную мысль о перманентной революции и достижении коммунистами господства над всем миром.

Выше было сказано, что в нью-иоркском Союзе № 1 происходили дискуссии о работе членов Федерации на амуниционных заводах. Очень оживленные, горячие дискуссии происходили часто на собраниях между анархо-коммунистами, анархо-синдикалистами и анархо-индивидуалистами. Федерация была анархо-синдикалистическая, но в ней состояли членами анархо-коммунисты и анархо-индивидуалисты. Анархисты этих двух течений единым фронтом нападали на анархо-синдикалистов за их, якобы склонность к приспособлению к существующим при капитализме порядкам. Эти оба течения, вернее представители этих течений, даже пробовали захватить газету „Голос Труда", на что редактор газеты ответил им: „Только перешагнув через мой труп, захватите газету".

Борьба за преобладание в движении была ненужной и вредной для движения, но анархисты в то время не давали себе отчета в этом. Некоторые из них напоминали заблудившихся среди трех сосен. Последствия подобных споров пагубно отразились на анархическом движении в России во время революции. Там появились странные теоретики, желавшие свести на нет учение Кропоткина, Бакунина и других теоретиков анархизма. Особенно прославился в этом отношении Абба Гордин, написавший „теорию" универсального анархизма. О нем следует здесь сказать несколько слов, хотя это будет уклонением в сторону. Гордин появился с своей теорией в Нью Иорке в клубе Союза Российских Труженников и согласился прочитать там доклад о русской революции. Докладчик превозносил себя до небес. Он утверждал, что после каждого его выступления в Москве на массовом митинге, рабочие носили его на руках. Этим он произвел на членов Союза неприятное впечатление. И когда после доклада получилось из Берлина письмо от группы анархистов, высланных большевиками из России, то Союз, ознакомившись с содержанием письма, решил пригласить Гордина на специальное собрание для об'яснения. В письме говорилось, что когда анархисты сидели в заключении в Бутырках, то Гордин ходил со своим манускриптом к Ленину и просил освободить анархистов. Он дал Ленину свой манускрипт, Ленин просмотрел бегло и сказал, что если анархисты подпишутся под теорией универсального анархизма, то они будут освобождены. Гордин отправился к заключенным анархистам и передал слова Ленина. Заключенные выгнали его из камеры. Союз послал одного из своих членов на квартиру к Гордину. Когда посыльный розыскал его и передал ему приглашение на собрание, Гордин заносчиво и высокомерно ответил: „А разве Кропоткин ходил на собрания рабочих?" После этого Гордин больше не появлялся в рядах анархистов.

В июне 17 года весь состав редакции „Голоса Труда" уехал в Россию, забрав с собою наборные машины и другие типографские оборудовния. Перед самим от'ездом в Россию „Голос Труда" редактировал Волин. Кроме этого Волин занимался с группой пропагандистов по вечерам, которую он же организовал. После его от'ез-

да в Россию группа распалась, так как не было охотников заменить Волина.

С от'ездом редакции „Голоса Труда" в Россию, приток новых членов в Федерацию не прекращался, а наоборот, даже увеличивался. Поэтому вскоре в Союзе Русских Рабочих возник вопрос о приобретении народного дома. Было куплено на 15-й улице четырехэтажное здание, против которого возвышалась громадина электрической компании Эдисон.

В доме все четыре этажа были отведены для культурно-просветительных нужд. Была автомобильная школа, школа грамоты, школа народных учителей, типография и клуб для лекций и собраний. Была весна 1918 года. Первая мировая война была в разгаре, а в России продолжалась революция. Америка была воюющей страной и патриотизм был взвинчен театрами, церквами, школами и капиталистической прессой до дикого шовинизма. Всякий протест против братоубийственной войны вызывал со стороны черни дикие акты вплоть до суда Линча. Хулиганство вскоре было проявлено и против анархического народного дома. Когда у народного дома 1. мая собралось ок. 200 человек для демонстрации против войны, рабочие Эдисон компании из окон верхних этажей начали бросать в людей чернильницы и другие тяжелые предметы, сопровождая это дикими выкриками и улюлюкиванием. Это был первый акт насилия над русскими эмигрантами со стороны напичканных ложными понятиями американцев. Он предвещал роковую неизбежность разгрома русского народного дома. Вскорости это и сбылось. Американское правительство, напуганное русской революцией, думало, что несколько тысяч русских рабочих смогут произвести социальный переворот в Америке, поэтому оно решило превратить в развалины такие учреждения, как Народный Дом. К действию были привлечены пьяные матросы и обыкновенные погромщики, которые, вооружившись ломами, били стекла в окнах и другие предметы, рвали литературу, книги и учебники в школах, били находившихся в доме членов и посторонних посетителей, арестовывали каждого кто не успел убежать. В доме культуры и прогресса произведен был разгром и опустошение.

Вслед за разгромом народного дома последовала депортация анархистов в Россию. 249 человек, в том числе Эмма Голдман и Александр Беркман, были посажены на старый, предназначенный на слом корабль и пущены в океан. Расчитывали американские реакционеры, очевидно, на то, что старое судно не выдержит напора волн и погибнет в морской пучине. Депортированные прибыли благополучно в Россию, но там они попали в руки новой реакции.

В течение всей зимы 1919-1920 г. г. продолжались разгромы анархических клубов и производились аресты. Арестованных слали пачками в Нью Иорк для депортации. Сборным пунктом был Остров Слез (Элис Айланд). Продержав арестованных несколько месяцев в тюремных условиях, американские власти затем вынужденные были выпустить их на „волю", ибо большевики в это время закрыли доступ для анархистов в Россию. Многие из вышедших на „волю" были семейные и не имели средств ни на жительство в Нью Иорке, ни на возвращение на старые места. Власти лишь привезли их на казенный счет в Нью Иорк, но отправить обратно — отказались. Союзом Российских Тружеников был создан Комитет, который собирал пожертвования, помогал людям на Эйлис Айланд, а также и тем, которые, будучи освобожденными, нуждались в помощи.

Депортация прекратилась, но преследования анархистов в одиночку продолжались еще несколько лет. Но несмотря на это, движения начало возрождаться, как подпольно, так и легально. Избежавшие ареста члены раскололись на части. Одна часть приступила к изданию нелегального печатного органа „Волна", а другая начала издавать легально еженедельную газету „Американские Известия". Группы,

издававшие нелегальный ежемесячный журнал, через некоторое время прекратили свою подпольную деятельность и включились в легальную работу. Таким образом идейная чисто анархическая деятельность была прекращена на время.

Издание легальной газеты „Американские Известия" не встречало противодействий со стороны властей. Возникали массовые легальные организации, поддерживавшие финансово издание газеты. Усилиями этих организаций были приобретены две наборные машины и была оборудована типография. „Американские Известия" несколько раз переходили из ежедневника на еженедельное издание, и обратно. Зависело это как от состояния кассы, так и от состава лиц, работавших в газете. Одно время, например, газета редактировалась либеральничавшим Дурмашкиным, не имевшим понятия об анархизме и не интересовавшимся им. Дурмашкина потом заменил Гордиенко, член движения, но человек слабохарактерный и слабовольный, любивший литературную деятельность, но в идейных вопросах плохо ориентировавшийся. Гордиенко был незаменимым работником там, где приходилось работать коллективно, но в одиночку он терялся.

Вышеизложенное относится к тому времени, когда еще велась подпольная работа. Когда же подпольная работа прекратилась и когда общими силами было приступлено к изданию большой ежедневной газеты, то для редактирования этой газеты был приглашен из Москвы Е. Моравский. На Моравского возлагались большие надежды, но он этих надежд не оправдал. Являясь мистиком и националистом, Моравский окружил себя такими личностями, как И. Окунцев и баптист Нирвана, выступавший на своих лекциях против Кропоткина и Бакунина. Таким образом, то, что осталось после разгрома властями было уничтожено своими же людьми изнутри.

Прерванное после подпольной работы анархическое движение, однако, опять возродилось. В Чикаго начал издаваться анархический журнал „Пробуждение", а в Париже — „Дело Труда". Издателем последнего являлась группа анархистов, в которую входили: Махно, Лазаревич, Мет, Мария Корн и Аршинов. Аршинов был редактором журнала до перенесения издания в Чикаго, где редакторское место было занято Г. Максимовым. Издание журнала „Дело Труда" финансировалось из Америки небольшой Федерацией анархо-коммунистических групп. После перенесения издания „ДТ" в Чикаго, Аршинов, в частной переписке с товарищами начал вести пропаганду за переход на сторону большевиков. Он убеждал, что большевистская власть эволюционизирует в сторону свободных коммун, т. е., в сторону анархизма. Анархисты, поддерживавшие „ДТ" ответили Аршинову категорическим отказом. Никто не захотел идти в большевистское болото. В то время было уже известно, что Аршинов отправил свою жену и мальчика в Россию, сам оставаясь в Париже. Аршинов забрасывал свои удочки в Америку, надеясь целым анархическим коллективом перейти на сторону большевиков и тем самим удостоится милости со стороны Сталина. Это ему не удалось и Аршинову пришлось ехать в СССР в единственном числе. Сталин заставил его исповедываться, что Аршинов и сделал. Он написал ряд статей для большевистских изданий, в которых говорил: „Если бы я не написал истории махновского движения, то о нем никому не было бы известно". Однако даже такое позорное извинение перед Сталиным не спасло Аршинова от возмездия. Аршинова арестовали, подвергли пыткам и пустили пулю в затылок. Такова судьба каждого Иуды.

Итак, в Америке существовало два анархических журнала „Пробуждение" и „Дело Труда". В сороковом году состоялось об'единение и вместо двух журналов начали издавать общими усилиями один „Дело Труда — Пробуждение", существующий до сих пор.

И. Д.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ПРОГРЕССИВНОГО КРУЖКА В БРОНЗВИЛЕ, Н. И.

Русский Прогрессивный Кружок в Бронзвиле, Нью Иорк, организовался в 1908 году. Его организатор, Никифор Янковский, до приезда в Америку жил в Минской губернии, в местечке Койданово, где он занимал должность учителя в народном училище. Когда вспыхнула в 1905-6 гг. реакция, Янковский вынужден был покинуть Койданово и эмигрировать в Соединенные Штаты. Как и все политические эмигранты, Янковский, как только осмотрелся в Соед. Штатах — немедленно же принялся за общественную деятельность, в результате которой и возник русский кружок в Бронзвиле. Я вступил в Кружок в 1909 году. Организация была уже многолюдная. Ее членами являлись в большинстве случаев деревенские парни, приехавшие в эту страну на заработки. Они с большим интересом прислушивались к тому, что говорил Янковский. А говорил он о том, что такое безвластное общество, кто был Бакунин, Кропоткин и т. д. Через некоторое время Кружок пополнился новыми членами — матросами черноморского флота, бежавшими заграницу после подавления восстания на „Потемкине". Работа в Кружке, вследствие этого, значительно оживилась. Каждое воскресенье устраивались лекции или доклады. Часто к нам с докладами приезжали такие уже известные в то время лица, как И. Окунцов, В. Шатов и дрг. Окунцов был редактором газеты и он все заметки нашей организации помещал бесплатно. Да оно и поянтно: цель Окунцова и цель нашей организации совпадали: все было направлено против русского самодержавия.

Через некоторое время появился анархический печатный орган „Голос Труда". Газета эта была признана всеми нами своей газетой. По мере возможности мы ей помогали и старались ее везде распространять. Русские люди в то время больше всего собирались возле церквей, куда мы каждое воскресенье и отправлялись с пачками газет под мышкой. Главари церквей всячески старались мешать нам. Иногда они даже обращались за помощью к полиции, доказывая ей, что мы — „жиды" — ведем борьбу против Христа. Полиция на подобные доводы, однако, внимания не обращала.

Когда был убит Столыпин, наш Кружок отпечатал на красной бумаге большие листовки, на которых сверху стояло: „Кровь за кровь". С этими листовками и с другой литературой мы (три человека) в воскресенье отправились на 97-ю улицу, где тогда находился православный собор (и теперь он там находится). Случилось так, что там, где я раздавал листовки, проходил Платон Рождественский, стоявший тогда во главе всех русских церквей в Америке, а за ним следовала какая-то дама. Я вручил листовку как Платону, так и даме. Через некоторое время дама вернулась ко мне и заявила: „Извольте удалиться, а то я Вас арестую". Я ей ответил, что Соединенные Штаты — не Россия, что здесь допускается свобода слова и т. д. Дама, не сказав больше ни слова, ушла, но вскоре к собору подкатили полицейские и начали спрашивать нас зачем мы делаем „тробел". Мы ответили, что никакого „тробел" не делаем, а мирно раздаем листовки, в которых об'ясняется за что был убит Столыпин. Полицейские, узнав это, только усмехнулись, но все же посоветовали нам не толпиться возле дверей собора.

Кроме распространения литературы и устройства лекций и дискуссий, Русский Прогрессивный Кружок ежегодно принимал участие в первомайских шествиях, при чем всегда мы шли под своим знаменем. Это было — большое красное знамя, обшитое лентой с бросавшейся в глаза надписью: „Долой насилие и несправедливость! Да здравствует свобода и спра-

ведливость!" Был у нас и свой хор, которым управлял все тот же неутомный Янковский.

После русской революции почти все прогрессивные организации начали переименовываться в Союзы Русских Рабочих. Переименовался в СРР и наш Кружок. Н. Янковский в это время уехал в другой город, а его место занял М. Райва, по инициативе которого вскорости у нас был создан струнный оркестр. Приятное сочеталось с полезным. Райва много помог нашей организации как в смысле просвещения, так и в смысле развлечений, но в то же время он по своей неосторожности причинил ей и ущерб. Дело было в следующем. Один из членов нашего Союза ухаживал за девушкой, весьма религиозной по своим убеждениям, соглашавшейся выйти замуж только в том случае, если венчание будет совершено по церковному обряду. Члену нашего Союза в конце концов пришлось пойти на уступки, т. е. обвенчаться в церкви. Райва, как только узнал об этом, поднял на собрании вопрос об исключении из Союза уступчивого товарища. Товарищ, несмотря на то, что считался одним из самых деятельных, был исключен. Это огорчило некоторых членов Союза и они ушли из организации. А вскоре и Райва оставил Союз. В то время все политические эмигранты возвращались в Россию. Уехал туда и Райва и, по слухам, в пути умер где-то в Сибири (он болел туберкулезом). Но его брат, Гр. Райва, вернулся обратно в Америку.

Отлив членов по тем или иным причинам дал нам повод поставить вопрос о ликвидации помещения Союза. Помещение было ликвидировано, вследствие чего мы избежали палмеровских погромов.

В начале февраля 1921 года я и еще один товарищ уехали в Россию. С тех пор я ничего не знаю об организационной деятельности в Бронзвиле. В 1926 г. я вернулся обратно в Америку, но не в Соединенные Штаты, а в Канаду, в гор. Монтреал, где нахожусь и до сих пор. В Монтреале тоже была русская анархическая организация, Союз Российских Тружеников, но ее истории я не знаю, несмотря на то, что по возвращении из России я в Союзе Российских Тружеников некоторое время довольно активно работал.

Гр. Резанович

ПОЧЕМУ МЫ БУНТАРИ?

От Ред.: Вскорости же после своего бегства из России в Западную Европу П. А. Кропоткин приступил к изданию на французском языке анархического журнала под названием „Бунтарь". Нижеприводимая статья была напечатана первой статьей в первом номере „Бунтаря". Это, так сказать, — первое слово Кропоткина, раздавшееся в Западной Европе. После этого голос Кропоткина непрерывно звучал до самой его смерти, последовавшей 40 лет тому назад — 8 февраля 1921 г.

Мы бунтари!

Да, мы это открыто и громко заявляем. Мы бунтари, потому что нас возмущает современный строй, в котором рабочий не получает полный продукт своего труда. В современном обществе мы видим на одном полюсе нищету большинства, а на другом — незначительное меньшинство, утопающее в роскоши и богатстве.

Почему это так?

Коренная причина этого заключается в том, что все орудия и средства производства находятся в частной собственности отдельных лиц. В настоящее время все материалы для производства необходимых для жизни людей продуктов находятся в руках капиталистов; благодаря этому, положение трудящихся нисколько не улучшается от прогресса науки и техники. Можно даже утверждать, что современная промышленность и наука как будто бы ор-

ганизованы специально так, чтобы держать трудящихся в рабстве.

В самом деле, механический двигатель — создание науки и техники — вырывает из мозолистых рук рабочего те ручные инструменты, которыми он работал в старое время — молоток, сверло, рубанок, пилу и т. д.

Все эти инструменты техника прилаживает в сложную машину и заставляет эти машины ковать, точить, стругать и металлы и дерево, более точно и более скоро, чем это делал рабочий ручным способом.

Каковы же результаты этой перемены способов производства? Прямой результат этой перемены в области производства был тот, что дорогие и сложные машины стали доступны только крупным капиталистам, которым простые рабочие вынуждены предлагать лишь свои руки.

Но это еще не все. Благодаря усовершенствованию машин процессы труда все более и более распадаются на элементарные приемы: в современной промышленности разделение труда доходит до мельчайших деталей, и труд механизируется и упрощается. Благодаря этому упрощению отныне становится ненужным ученичество, долгие годы обучения мастерству. Искусство мастера, так дорого ценившееся в былые эпохи, более не нужно; машинный труд требует лишь надсмотрщика, а не искусного мастера.

Какая унизительная роль человека в современной системе производства!

В нас вызывает глубокое чувство возмущения организация общества, в котором внизу — производитель в лохмотьях, черный от грязи, весь в поту, играет роль простого придатка к машине. Об этом живом человеке, обслуживающем машину, меньше заботятся, чем о самой машине... Правда, рабочий считается свободным человеком. Да, свободным... умирать от голода под шум и грохот фабричных станков. Наверху общественной пирамиды мы видим аристократа, капиталиста, паразита-хозяина. Он царит как Юпитер, в роскоши и довольстве, утопет в изобилии. Разве можно, не возмущаясь, жить в таком строе? Но наше чувство возмущения станет еще более острым, когда мы вспомним положение в современном обществе женщины. Женщина из рабочего класса обречена, прежде всего, как и мужчина, на бедность и голод. Но женщине-работнице грозит в современном обществе еще и другое зло — проституция.

По-истине, печальна судьба всякой девушки из народа!

С раннего детства она растет без надзора и без надлежащего воспитания. Вся ее семья, — отец и братья, а в большинстве случаев и мать, работают на фабрике или на заводе, и ребенок остается предоставленным самому себе. Когда девушка из рабочего класса подростает, она тоже должна стать работницей, чтобы не быть в тягость семье. Но на трудовом пути молодую девушку работницу ждут тысячи соблазнов; услужливые люди предлагают ей более сытую и обеспеченную жизнь, соблазняют ее нарядами и роскошью.

Многие ли девушки-работницы смогут найти в себе силу, чтобы противостоять соблазну? Сколько найдется девушек, способных не вступить на этот печальный путь, который ведет не к семейному очагу, но к меблированной комнате кокотки, откуда только один шаг до самых грязных притонов дешевой проститутки? Благодаря таким же причинам держится этот возмущающий душу социальный порядок? Почему существует эта несправедливая форма частной собственности, порождающая все социальное зло и вызывающая нищету среди большинства общества?

Кто является главным защитником частного захвата орудий и средств производства? Кто поощряет это социальное воровство, причиной которого являются голод и проституция?

Главная причина всего этого — государственная власть. В самом деле, в каждой стране существует власть законодательная, которая составляет законы, освящающие частную собственность. Эта

власть говорит собственнику: пользуйся своей собственностью по своему произволу и даже злоупотребляй своим правом собственника (Usez et abusez).

Наряду с этой властью существует власть исполнительная, задача которой состоит в том, чтобы охранять существующие законы от нарушения. Всякий, кто нарушает эти законы, даже не ради личной выгоды, но ради интересов всего общества — подвергается судебному преследованию и суд отдает его во власть тюремщика и палача.

Итак, мы бунтари. Созерцание нищеты, царящей в современном обществе, нас возмущает, вид проститутки вызывает в нас чувства негодования против существующего строя. Нас глубоко возмущают все экономические и политические учреждения и государственный порядок, освященный и поддерживающий весь этот строй неравенства.

Но, так как мы, к сожалению, живем в печальную эпоху, когда „сила создает право", и так как мы не обладаем действительной силой, чтобы разрушить весь этот строй, то мы хотим, по крайней мере, дать выход охватывающему нас чувству возмущения и на странице нашего журнала послать крик протеста возмущенного **бунтаря.**

П. А. Кропоткин

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Каждый год приносит нам даты, мимо которых нельзя пройти молча. Есть такие даты и в этом году.

Прежде всего — Чикагская Драма.

Прошло уже 75 лет с тех пор как на Сенной площади в Чикаго взорвалась бомба, в результате чего погибло несколько человек — как со стороны полицейских, так и со стороны участников рабочего движения. За 75 лет многое изменилось, но то, из-за чего произошла Чикагская Драма, до сих пор остается неизменным.

Причина Чикагской Драмы — безработица. Рабочие добились многих улучшений, но они до сих пор не добились устранения безработицы. Безработица — все еще один из ужаснейших бичей рабочего. Правда, теперь есть некоторые паллиативные меры: страхование на случай отсутствия работы, юнионные кассы взаимопомощи, общественные работы на счет налогоплательщиков и т. п. 75 лет назад ничего этого не было. Тогда безработным никто никакой помощи не оказывал. Рабочим приходилось самим заботиться о себе... Вот они и решили, что если сократить рабочий день, если работать 8 часов, а не 10, то количество безработных сократится.

8-ми часовой рабочий день теперь ничего страшного собой не представляет. Он давным давно везде введен, и в некоторых отношениях даже считается чем-то устарелым. Но не так было 75 лет тому назад. Тогда предприниматели и слышать не хотели о введении 8-ми часового рабочего дня. Не хотели... ибо в каждом предпринимателе есть доля того, чем так мастерски наградил Диккенс своего героя Скруджа — скупость и жадность. Таких дальновидных предпринимателей, каким был Форд, мало на свете. Считать Форда благодетелем рабочих, конечно, нельзя, но он, несомненно, знал, что если дать рабочим маленькую подачку, то предприятие от этого нисколько не пострадает. Многие предприниматели до сих пор этого не учитывают, а 75 лет тому назад они тем более не могли этого учесть. И рабочим, наткнувшимся на сопротивление хозяев, ничего другое не оставалось, как только выйти на забастовку. Хозяева ответили своими излюбленными мерами — репрес-

сией. Нужно иметь в виду, что забастовки 75 лет тому назад велись не так, как теперь. Хозяева тогда немедленно же ставили на работу других рабочих (штрейкбрехеров), окружали свои предприятия наемными стражниками или войсками, и продолжали работу. Если же к фабрике подходили бастующие, то их избивали, а иногда даже стреляли в них. Так случилось в 1886 г. в Чикаго. 3-го мая бастующие рабочие пытались помешать штрейкбрехерам стать на работу; по бастующим были открыты выстрелы, в результате чего много оказалось раненых. Чтобы выразить свой протест против репрессивных мер со стороны хозяев ,рабочие решили созвать на другой день (4 мая) на Сенной площади открытый массовый митинг. Митинг, конечно, был разогнан, хотя для этого, по словам самого городского головы, Картера Харрисона, присутствовавшего в начале митинга на Сенной площади, не было никаких оснований. Кому-то хотелось выслужиться перед сильными мира сего (говорят, что то был начальник полиции), поэтому, когда митинг подходил уже к концу, был отдан приказ о посылке дополнительного отряда полицейских на Сенную площадь. Как только свежие полицейские силы прибыли на место митинга и принялись разгонять не успевших еще разойтись слушателей, в ряды полицейских была брошена кем-то бомба. Раздался сильный взрыв и несколько человек лишилось жизни.

Нет ничего легче, как приписать анархистам взрыв бомбы. Анархисты ведь, по толкованиям буржуазии, даже когда спать ложатся, то держат запазухой бомбы. Так и было сделано: взрыв на Сенной площади — дело рук анархистов, — завопила вся буржуазная печать. Всех более менее известных в то время анархических деятелей в Чикаго арестовали, судили и признали виновными. О том, что это был за суд можно судить хотя бы по тому, что присяжным заседателям были выданы похвальные листы и, по инициативе газеты „Чикаго Трибюн" был открыт сбор пожертвований для выдачи им денежной награды. Очевидно, что присяжные заседатели хорошо „постарались". Оскар Нибе, вся „вина" которого заключалась в том, что он, прочитав в немецкой газете об аресте анархистов, „крепко" выразился по адресу властей, был приговорен к 15-летнему тюремному заключению. Майкел Шваб и Самуэль Фильден получили пожизненное тюремное заключение. А остальным — Альберту Пирсону, Августу Шпису, Джорджу Энгелю, Адольфу Фишеру и Луису Линггу — была вынесена высшая мера наказания — смертная казнь. Приговор был приведен в исполнение через полтора года — 11 ноября 1887 года.

Через несколько лет (в 1892 г.) непричастность анархистов к взрыву на Сенной площади была доказана самими же властями. Доказана, конечно, не прямо, а косвенно, — актом освобождения Нибе, Шваба и Фильдена из тюрьмы. Штатный аппарат после выборов, состоявшихся в начале 90 гг., оказался в руках другой фракции, не пожелавшей расплачиваться за грехи своих предшественников, а потому и выпустившей на волю людей, непричастность которых к взрыву на Сенной площади была более чем очевидна.

Так иногда, в результате фракционной борьбы за власть, восстанавливается истина. Некоторые ожидали повторения этого в деле Сакко и Ванцетти. К сожалению, ожидания эти до сих пор не сбылись.

Американский организованный труд не остался в долгу перед жертвами произвола. На средства Штатной Федерации Труда на месте погребения Чикагских Мучеников был воздвигнут замечательный памятник, о котором следует сказать хоть несколько слов, ибо памятник этот является одним из лучших украшений анархического идеала. Анархисты на памятнике изображены не в виде головорезов, как обычно их изображает буржуазия, а в виде отважного рыцаря. Начал свой путь рыцарь в предрассветном тумане, когда еще сон смеживавая всем очи. Как и всегда бывает в таких случаях, рыцарь сра-

зу же встретился с темными силами. Пользуясь тем, что солнца еще не было, темные силы рыскали по миру, нападая на каждого путника. Напали они и на храброго рыцаря. Завязалась схватка... Борьба была неравная: темных сил было много, а рыцарь — один. Стойко и мужественно он отбивался, но в конце концов изнемог. Задрожали руки, подкосились ноги, и рыцарь начал падать. Одной рукой он уже дотронулся до земли... Еще одно мгновение, еще один удар и рыцарь будет лежать на земле... В это время откуда-то, словно из тумана, появилась незнакомая женщина, со строгим, но не суровым лицом, своим одеянием напоминающая церковного Георгия Победоносца, — типичная пуританка, какие когда-то во множестве прибывали из Европы к берегам Америки. Имя строгой, незнакомой женщины — Справедливость. Видя безвыходное положение рыцаря, Справедливость сразу же заслонила его собою от раз'яренных темных сил. Как ни горячи были темные силы, но они не осмелились тронуть Справедливость. Со скрежетом зубов отступили они на несколько шагов назад... Голова рыцаря еще приподнята, еще не коснулась земли, и это дало возможность Справедливости обрамить чело изнемогшего героя лавровым венком. Одной рукой возлагая венок на голову, а другой указывая на стонущего от боли и мук рыцаря, Справедливость вперила свой взор в сторону темных сил. В этом взоре все: упрек, укор, порицание, сожаление, сострадание... Своим взором Справедливость как бы говорит темным силам: „Безумцы! Что вы делаете? Кого вы убиваете?"

Рыцарь, конечно, погибнет, но погибнет с лавровым венком на голове, возложенным Справедливостью. На большую честь анархисты едва-ли смеют расчитывать, живя в современном обществе.

У подножия этого памятника побывали многие анархисты, в том числе и Кропоткин. Одна из светлейших анархических личностей, Вольтерина де Клэйр, написала здесь свои лучшие поэтические произведения. Здесь же она была и похоронена (таково было ее желание). Здесь же нашла вечный покой кипучая натура — Эмма Гольдман. Где только на своем веку Эмма Гольдман не побывала? Париж, Лондон, Вена, Амстердам, Стокгольм, Москва, Одесса, Берлин, Милан — все было ей знакомо, не говоря уже о многих городах Соединенных Штатов, в которых она по несколько раз побывала. И вот эта непоседа, эта вечно мятущаяся душа, сложила свои орлинные крылья под сенью памятника Чикагским Мученикам. Люси Парсонс, оставшаяся на всю свою жизнь верной идеалам своего мужа, повешенного 11 ноября 1887 года, ухаживала за памятником и за могилами Чикагских Мучеников, как за своим родным очагом. Никто столько цветов сюда не принес, как Люси Парсонс... Она здесь тоже нашла вечное упокоение... Паломничество к этому памятнику анархисты, как видно, совершают не только при жизни, но и после смерти. (Случай с Эммой Гольдман).

За 75 лет в среде американских рабочих произошло много перемен, как внешних, так и внутренних. Изменился быт, изменилась и психология. В материальном отношении некоторые рабочие теперь живут лучше своих предков. Лучше питаются, лучше одеваются, больше развлекаются. Наряду с отходом от своих предков в материальном отношении, отошли от них современные рабочие и психологически. Едва-ли теперь в среде американских рабочих мыслимы такие вещи, какие произошли в 1886 году. Забастовка тогда была об'явлена по гуманитарным соображениям. Для себя лично рабочие ничего не требовали. Они желали улучшения положения тех, кто был без работы. Они требовали сокращения рабочего дня, полагая, что вследствие этого на фабриках и заводах будет большее количество рабочих. Едва-ли такая забастовка в наше время возможна. Теперь если где-либо и вспыхивает забастовка, то она носит почти исключительно личный характер — требование увеличения жалованья. Солидарность сре-

ди современных рабочих стоит на весьма низком уровне. О гуманизме мало кто думает. По этой причине Чикагская Драма современными рабочими почти забыта. За исключением небольшой горсточки, никто не празднует ни первомайского праздника, ни дня кровавых событий на Сенной площади, ни дня казни анархистов. Как будто ничего такого и не было, как будто это не связано с американским рабочим движением. Как тут не вспомнить Лермонтова: „Печально я гляжу на наше поколенье...” Автомобили, холодильники, телевизоры, летние дачки и т. п. и сотой доли не стоят того, чем жили и к чему стремились рабочие в 1886 году. Тогда, быть может, у рабочих не было во что красиво одеться, но у них были красивые человеческие чувства. Они знали, что один за всех должен стоять, а все за одного. Теперь этого не знают, теперь каждый думает за себя.

Отсюда можно сделать вывод, что чем хуже положение рабочих — тем лучше. Вывод этот, конечно, слишком поверхностный, хотя тут есть некоторая доля правды. (В первые века христианства, пока христиане были на положении гонимых, христианство быстро распространялось. Когда же оно стало господствующей религией, когда императоры стали христианами и совместно с епископами начали преследовать не-христиан — христианство утратило свою обаятельность). Толстой, Кропоткин, Бакунин и многие другие в материальном отношении стояли гораздо выше американских рабочих, однако они не делали тех глупостей, которые иногда делают американские рабочие. Стало быть, главное не в достатках, а в сознании человека. Сознательный человек — богат он или беден — не станет делать поступков, позорящих имя человека и противоречающих его совести, несознательный же — как бедняк, так и богач — способен на античеловеческие поступки. Американские рабочие в подавляющем своем большинстве — люди не сознательные, поэтому и идут они ложным путем.

***

Со дня смерти Бакунина исполнилось в этом году 85 лет, со дня смерти Кроткина — 40 лет, со дня смерти Карелина — 35 лет, со дня смерти Беркмана — 25 лет. Нельзя не задержаться хотя бы на мгновение у могильных холмиков этих знаменитых — каждый по-своему — людей. Бакунин дорог тем, что он дает нам силу и энергию для дальнейших подвигов, Кропоткин — тем, что укрепляет веру в правоту нашего дела, Карелин — тем, что упрощает и раз'ясняет самые сложные задачи, Беркман — тем, что всей своей жизнью доказывает, что человек, даже попав в ад, может сделать хорошее дело.

О Бакунине и Кропоткине много написано, много также сказано о Карелине, но вот о Беркмане почти ничего не сказано. А между тем, это был человек незаурядный. Приехав в Соединенные Штаты без знания языка и без сента в кармане, он хотел здесь перевернуть весь мир. Маленькая комнатка на 5-ой улице в Нью Иорке казалась ему такой твердой опорой, что, опираясь на нее, можно сдвинуть с места чуть-ли не всю вселенную. Опору Беркман видел в тех примитивных бомбах, которые он в своей комнатке мастерил и которым нигде не нашел применения. В последствии Беркман сам этот свой юношеский задор высмеял.

Здесь уместно, хотя бы в кратких словах, рассказать об одном эпизоде в жизни Беркмана, ставшим, кажется, поворотным пунктом. Дело было в 1892 году. В Питтсбурге вспыхнула забастовка. Как обычное явление того времени, против забастовщиков были пущены дубинки и пули наемных стражников. Оказались жертвы. Беркман, полный силы и здоровья (мог за обедом с'едать две порции), решил отомстить сталелитейным магнатам. Но как отомстить? Везти туда свою примитивную бомбу было рисковано. Да и полагаться на нее нельзя было: могла не взорваться на месте покушения. Нужно было выбрать что-либо размером по-меньше и понадежнее. Выбор пал на револьвер. Запас-

шись каким-то старомодным револьвером, Беркман в один из жарких июльских дней оставил Нью Иорк и отправился в Питтсбург. Ни денег в кармане, ни карты Питтсбурга у Беркмана не было. Но 22-летнему юноше море казалось по колени. Ему представлялось, повидимому, что вот он приедет в Питтсбург, сойдет с поезда, сразу же встретит нужного ему человека, сделает свое дело и, сев на поезд, обратно приедет в Нью Иорк. Этого, конечно, не случилось. Беркману долго пришлось бродить по улицам незнакомого города, пока он нашел то место, где жил сталелитейный магнат. Проголодался... Не одну, а несколько телеграмм дал в Нью Иорк с просьбой немедленно прислать хоть несколько долларов. Наконец, настал момент, когда Боркман мог встретить нужного человека, г-на Фрика. Местом встречи Беркман почему-то избрал заводскую контору, где всегда есть посторонние лица. Беркману удалось благополучно войти в главную комнату конторы. Фрик сидел за письменным столом, а в других местах комнаты рабочие что-то починяли. (Пользуясь забастовкой, Фрик решил произвести ремонт в конторе). Раз рабочие, значит, свои люди... Прежде, чем Фрик успел взглянуть на вошедшего незнакомца, последний выхватил из кармана револьвер и выстрелил. Выстрел из дефективного револьвера оказался неудачным: Фрик был лишь слегка ранен.

В это время подбежал сзади к Беркману один из находившихся в конторе плотников и тяжелым предметом нанес по голове оглушительный удар. Беркман упал. Падая, он уронил револьвер. Когда вернулось сознание, Беркман попытался приподниться и при помощи ножа завершить неудачно начатое покушение, но уже было поздно: Беркман уже был в руках заводской полиции. Таким образом, жизнь сталелитейного магната фактически была спасена рабочим, за товарищей которого Беркман пытался мстить Фрику.

Беркман потом над этим долго размышлял, и в конце концов пришел к заключению, что рабочие прежде, чем стать свободными, должны проникнуться стремлением к этому, т. е. должны стать сознательными людьми. Пробуждению сознания среди рабочих Беркман посвятил всю свою остальную жизнь. Теорию анархизма он изложил в весьма популярной форме, подобно тому, как Лункевич или Рубакин излагали науку. Книга называется „Азбука Анархизма". К сожалению, она до сих пор не переведена на русский язык.

За неудачное покушение на Фрика Беркман поплатился долголетним тюремным заключением. Вышел он из тюрьмы физически надломленным, без своего прежнего юношеского пыла. Но анархистом он остался на всю жизнь. Но торжество анархизма он уже видел не в молниеносных вспышках, не в захватывающих актах отдельных личностей, а в том, что люди в конце концов придут к заключению, что для всеобщего счастья всех живущих на нашей планете, не должно быть ни угнетателей, ни угнетаемых, ни властителей, ни подвластных. К такому состоянию человечество, по мнению Беркмана, хотя и медленно, но все же приближается.

Умер Беркман 28 июня 1936 года. Умер не естественной смертью, а наложив на себя руки. Беркман страдал неизлечимой болезнью — раком, поэтому решил, что такой человек, как он, уже не нужен ни себе, ни обществу. Решение, безусловно, ошибочное, но так как оно касается лишь своей жизни, то осуждать Беркмана за это никто не станет. И в самом конце своей жизни Беркман оказался таким же артистом, каким он был всю свою жизнь. Накануне самоубийства Беркман, совместно с некоторыми друзьями, отпраздновал день рождения своего лучшего друга — Эммы Голдман. Когда празднества кончились, когда собравшиеся разошлись по домам, Беркман тоже отправился... туда, откуда нет возврата.

Беркман не происходил из высших слоев, подобно Бакунину, Кропоткину или Карелину. Бакунин, Кропоткин, и Карелин, родившись в зажиточных семьях,

имели возможность учиться с малых лет. На жизненный путь они, поэтому, вышли с огромным запасом знания. У Беркмана никаких знаний не было, когда он вступил в жизнь, но несмотря на это, он, путем напряженных усилий над собою, успел подняться на большую высоту. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, приехав в Соединенные Штаты без знания языка, он успел не только изучить английский язык, но и создать значительное анархическое движение на этом языке. С от'ездом Беркмана из Соединенных Штатов, анархическое движение здесь заметно понизилось. И если в дни скорбных дат Бакунина, Кропоткина и Карелина нужно снять шляпы и поклониться юбилярам за то, что они оставили роскошные дворцы и палаты, спустились в самые низы общества для того, чтобы сеять здесь „разумное, доброе, вечное", то в день памятной даты Беркмана нужно снять шляпу и поклониться ему за то, что он сумел поднятся на должную высоту и нашел возможность внести хотя бы слабый луч света в мрачную американскую действительность.

***

В заключение следует отметить, что в этом году исполнилось 40 лет со дня кронштадтского восстания. Кронштадтское восстание в сущности было дальнейшим развитием октябрьской революции. Восставшие требовали, чтобы всеми делами страны ведали Советы, а не партия, чтобы рабочие и крестьяне были свободны и распоряжались своей судьбой самостоятельно, а не действовали по указу свыше. Это же самое говорили большевики до захвата власти. Но когда власть захватили, то отказались от всего этого. Все взяли в свои руки, всех скрутили в бараний рог, и революцию направили на путь контр-революции. Кронштдатское восстание было одной из многочисленных попыток вернуть революцию на ее естественный путь.

Горсточка отважных матросов не могла, конечно, устоять против усилившегося уже государственного аппарата. Восстание было подавлено, улицы крепости были залиты кровью отважно сражавшихся кронштадтцев. По иронии судьбы подавление кронштадтского восстания совпало с празднованием 50-летия Парижской Коммуны. Большевики, вследствие этого, оказались не в лагере коммунаров, а в лагере тех, кто подавлял Парижскую Коммуну. По иронии все той же судьбы самые главные „герои" подавления кронштадтского восстания — Троцкий, Тухачевский, Каменев и др. — сами через некоторое время стали жертвами того мерзкого дела, которое они в марте месяце 1921 года так усердно защищали. Как видно, где нет правды, там ничья жизнь не страхована.

Большевики до сих пор говорят, что кронштадтское восстание — дело контр-революции. Но основные требования кронштадтцев — вся власть Советам и полная свобода рабочим и крестьянам — лучше всяких красивых и громких фраз свидетельствуют, кто тут контр-революционер. Не кронштадтцы, а большевики контр-революционеры. Они переняли метод Каина и продолжают творить каиново дело...

И войдут в историю большевики под именем Каина, а участники кронштадтского восстания — под именем Авеля.

Ю. Капернаумов

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы надеялись, что количество страниц в этом — юбилейном — номере нам удастся довести, по крайней мере, до 64. В соответствии с этим, было заготовлено нужное количество материала. Однако, к общему нашему огорчению, состояние кассы не позволило нам пойти дальше 40 страниц. И в результате: значительная часть статей (почти половина), предназначавшихся для этого номера, оказалась ненапечатанной. Статьи эти не утратили бы своего интереса и значения, если бы нам удалось в этом году (осенью) выпустить еще один номер „Дт-П". Но для этого потребуется три-четыре сотни долларов. Весьма желательно было бы, чтобы читатели „ДТ-П" обратили на это должное внимание и поспешили с присылкой своей посильной лепты в издательский фонд.

Л. Н. ТОЛСТОЙ В МОЛОДОСТИ

Из всех русских писателей Л. Н. Толстой самый гениальный, глубокий и крайний в своих философско-религиозных взглядах. Это — мятущийся человек, который всегда искал истину, все испробовал, критиковал, низвергал и создавал кумиры. Это был великий писатель, бесстрашный обличитель светской и церковной власти, насилия, угнетения, социального зла, несправедливости, — единственный человек в безмолствовавшей России, который имел мужество писать, говорить, не кривя душою, все то, что подсказывала совесть, не считаясь с последствиями. Вечное искание, горение, возмущение, желание преодолеть в себе ветхого человека, преобразовать людей в более совершенные существа, а общественную жизнь преобразить в подобие христианского братства, гуманизма без государственного насилия и порабощения человека человеком — таков смысл социально-религиозных устремлений Толстого.

Л. Толстой не только „великий писатель земли русской" (эпитет, данный ему Тургеневым), но и символ беспокойной, борющейся, протестующей России. Крик его протеста раздается буквально из колыбели. Самое раннее воспоминание, запечатленное в памяти Толстого, относится ко второму году жизни, когда его, больного сыпью, спленали, чтобы не чесался. Толстой трогательно описал этот врезавшийся в память эпизод своеволия близких ему людей: „...я связан; мне хочется выпростить руки, и я не могу того сделать, и я кричу и плачу, и мне самому неприятен мой крик: но я не могу остановиться... Им кажется, что это нужно (т. е. чтобы я был связан), тогда как я знаю, что это не нужно, и хочу доказать им это, и я заливаюсь криком, противным для самого себя, но неудержимым... Мне хочется свободы, она никому не мешает, и я, кому сила нужна, я слаб, а они сильны".

Это было первое столкновение крошечного Левочки с сильными. А за пределами детской его ожидали новые огорчения, обиды, жестокости людей: наставников, воспитателей, а потом начальников более властных и сильных. Он узнает человека в подлинном облике — циничного, бессердечного, развратного, эгоистичного, корыстолюбивого, способного на преступные дела, но и не без проблесков героизма, человеколюбия, самопожертвования. И в нем самом, к его огорчению, пробудятся все эти животные страсти, пороки, зверские инстинкты. Увлеченный военной карьерой, он будет даже убивать людей на Кавказе в войне с горцами, а затем — при обороне Севастополя.

Все это было, все это он делал и о своих слабостях и пороках Толстой рассказал с поразительной откровенностью, без утайки, в виде всенародной исповеди и покаяния, в своих замечательных литературных произведениях, дневниках, статьях. В этих взлетах, падениях как бы отражение души русского человека: безудержные кутежи, омут разврата (даже упоминание о последствиях ртутного лечения), цыгане, азартные игры, доведшие до разорения и возможного самоубийства. (Проигравшись на Кавказе Толстой молится Богу, чтобы отыграться. Кунак-горец выручает из беды, но вспышки азарта не покидают).

В кругу светской золотой молодежи Толстой жил ее забавами, ее интересами: мечтал о выгодной женитьбе на знатной аристократке, о блестящей служебной карьере — готовился в дипломаты по настоянию тетушки, в юристы, на военной службе дослужился до чина поручика, но, неожиданно для самого себя, превратился в генерала от литературы.

Добрые начала в душе Толстого заметны еще в детстве. (Лишился матери на втором году жизни, а отца — на девятом). Воспитываемый тетушками — аристократками, пятилетний Левочка уже говорил по-французски. (Разговорному русскому языку он, вероятно, выучился у няню-

шек и мамушек. Это был пока не обязательный предмет для барчуков). Ему поручили обучать французской азбуке пятилетнюю Дунечку — приемыша. Ученица оказалась малоуспешной: ее, вероятно, интересовали игрушки, а не азбука. Но Левочка не отставал от нее, вдалбивал ей в голову ненужные буквы, и она расплакалась. Глядя на нее, заплакал и учитель от жалости к ней и из-за досады на свое неудачливое учительство.

В этой детской сценке — ключ к пониманию не только будущей толстовской системы свободного школьного воспитания, но и всей его вольнолюбивой религиозно-социальной философии ненасилия, преодоления зла добром, любовью, в духе христианского братства: убеждать людей добрым словом, слезами, но не криком, бранью с пеною у рта. Авторитет добряка немца-гувернера, будящего своего маленького питомца по утрам, раздражает его: „Положим, — думал я, — я маленький, но зачем он тревожит меня? Нет, Володя старше меня, а я меньше всех: оттого он меня и мучит".

Рассказы в детской о порке слуг на конюшне доводили Левочку до слез. Потом молодой помещик Толстой, хотя и единственный раз в жизни, высек одного из крепостных и тут же раскаялся, просил прощения у наказанного, на мировую дал 3 рубля. Повешение немцем-учителем своего искалеченного пса вызвало у Левочки раздумье о том, как такой добрый человек, как учитель, мог поступить так жестоко с преданным ему псом, не причинившим никакого зла.

Сменивший немца новый гувернер, высокомерный француз Сен-Том, совсем не понравился Левочке. Он был ученее немца и, очевидно, считал, что учителя существуют на свете не для развлечения маленьких детей, а для их терзания, устрашения, унижения. Толстой так описывает первый свой конфликт с этим учителем (цитирую с английского). „Сен-Жером (подлинное имя — Сен-Том), указывая на точку на полу, приказывает мне стать на колени, а я, стоя перед ним, бледный от злости, думаю: лучше умру, но не подчинюсь тебе, он же схватив за шиворот и со всею силою нажимая на плечи, поставил меня на колени. Мало того, заперев в чулане, пригрозил еще высечь меня". Это уже казалось ослушнику целой катастрофою, и он возроптал даже на Бога: „За что Он наказывает меня? Я, кажется, не забывал молиться утром и вечером, так за что-ж я страдаю?" Детские слезы, мольбы разжалобили тетушек, и французу, конечно, дали понять, что в „варварской" России графских детей все-таки не секут. Сен-Тому пришлось примириться с подрывом своего учительского авторитета.

***

Будущего великого художника слова, поклонника природы, красоты еще в детстве удручала его некрасивая, мужиковатая фигура. Приезжавшие к Толстым девочки, дочери соседних помещиков, сторонились его, отдавая в играх предпочтение его старшим братьям, и однажды девятилетний Левочка, взбешенный снобизмом маленьких красавиц, спустил с лестницы хорошенькую Исленеву, — свою будущую тещу, только двуми годами старше его. И тут же причитания: „Нет счастья на земле для человека с таким широким носом, толстыми губами и маленькими серыми глазами, как я: я просил у Бога сделать чудо — превратить меня в красавца, и все, что имел в настоящем, все, что мог иметь в будущем, я все отдал бы за красивое лицо".

Это фаустовское настроение отразилось на его детских верованиях. „Первый шаг к религиозным сомнениям, — замечает Толстой, — тревожившим меня во время отрочества, был сделан мною теперь (взаперти в чулане) не потому, чтобы несчастье побудило меня к ропоту и неверию, но потому, что мысль о несправедливости Провидения, пришедшая мне в голову в эту пору совершенного духовного расстройства и суточного уединения, как дурное зерно, после дождя упавшее на рых-

лую землю, с быстротой стало разрастаться и пускать корни".

Не были чужды малышам Толстым и утопические увлечения, Дон-Кихотство в русском варианте — „Муравейные братья". Герой Сервантеса в „Дон-Кихоте" воспевает зарю грядущего всеобщего счастья:

Люди добрые ликуйте,
Наступает праздник вечный.
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной.
Будут все равны. Друг друга
Перестанут ненавидеть.
Ни алкалы, ни бароны
Не посмеют вас обидеть.

Яснополянская утопия „Муравейных братьев" — не испанский, а славянский продукт, — последствие семнадцатилетней религиозной войны чешских гусистов с папством и его опорою — священной германской империею, вызванной сожжением Яна Гуса в 1415 г. и преследованиями его последователей в Богемии, т. е. Моравии, откуда и название — „Муравейные братья". Легенда о „Муравейных братьях" как-то проникла в детскую братьев Толстых. Старший из них, одиннадцатилетний Николай, заявил меньшим, что у него имеется тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет болезней, неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. Главная тайна — как сделать людей счастливыми — записана на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага. Как я тогда верил, пишет Л. Толстой, что есть зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить зло в людях и дать им великое благо, так я верю теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает. Толстой умер с этой верой. Похоронен он, по его желанию, на том самом месте, где, по преданию, зарыта зеленая палочка.

**
*

Шестнадцатилетний Толстой готовился к поступлению в Казанский университет, где уже учились его старшие братья, волновался, зубрил катехизис и хотя и думал, что вся эта церковная словесность — ложь (Толстой в то время уже был знаком с мыслями Вольтера, Руссо и друг. философов), но все же молил Бога о помощи ему на экзамене. По закону Божию — четверка, удовлетворительные знания арабского, тюрко-татарского и европейских языков, а затем — провал: единица по истории, двойка за латынь, полное незнание географии — Толстой не мог назвать ни одного порта во Франции. С переэкзаменовкою, однако, Толстого потом зачислили в университет.

Тут уместно сказать несколько слов о духе и характере русского просвещения того времени. Россия до Петра 1-го не знала просвещения, которое по образному выражению церковного историка проф. Я. Голубинского, „прошло через нас, как вода через сито". Но и петровская система образования не далеко ушла от церковного просвещения, состоявшего в обучении чтению Псалтиря и Житий святых. Петра интересовали лишь прикладные науки (как и нынешних правителей России). Царь-реформатор так же не выносил свободолюбия, как не терпел его и патриарх Иоаким, сжигавший на кострах еретиков. И один из иностранцев, живших в то время в России, правильно подметил: „Русский царь никогда не допустит своих подданых до истинного просвещения, которое требует свободы. Просвещение для власти (включая и нынешних диктаторов) всеравно что солнце для снега: когда оно слабо, снег блестит, играет, когда сильно — снег тает".

Та же мысль о неполноценном, несвободном, утилитарном характере просвещения в России высказана В. Ключевским с присущей ему прямотой. Петр 1-й хотел, чтобы раб оставался рабом, но со знаниями. Совместное действие деспотизма и

свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, давным-давно разрешавшаяся и доселе неразрешенная, вопреки спутникам, лунникам, ракетам и прочим чудесам техники, послужившим еще к вящему закабалению и унижению человека. Спутники летят в пространство, а вот такая простая вещь, как напечатание книги, неугодной власти — немыслима в теперешней России, как немыслима она была и в петровскую эпоху. Похороны Б. Пастернака во многом напоминают похороны Пушкина: как одного, так и другого поэта хоронили почти тайно, в спешном порядке, в деревенской глуши. Открытых похорон того, кто хоть немного воспевал свободу, боялись цари, боятся и комиссары.

***

Казанский университет во время поступления туда Толстого — прозябал... Во второй половине своего царствования Александр 1-й, после одоления Наполеона, превратился из вольнодумца в спасителя заколебавшихся тронов, впал в мрачный мистицизм. Соучастие в отцеубийстве вызвало терзание совести и не давало ему покоя. Мрачные мысли, как это часто бывает, ознаменовались мрачными делами. Задуманные им в начале царствования и подготовлявшиеся его главным советником Сперанским либеральные реформы — были об'явлены крамолою. Сперанского — в Сибирь... Его место в окружении царя занял ген. Аракчеев, о котором Пушкин сказал:

„Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести...”

Не раз случалось в России, что опальный человек резко менял свои прежние оппозиционные, либеральные или революционные убеждения, превращался в отчаянного реакционера и старался всеми силами выслужиться перед властью (Тихомиров, Достоевский, Катков и дрг.). В этой галлерее карьеристов-перевертней не последнее место занимает М. Л. Магницкий, б. гвардейский офицер, либерал, из опальных сотрудников Сперанского превратившийся в опору аракчеевщины. Он обратил внимание скорбного думою царя на соблазнительный проект о повсеместном сокрушении крамольных мыслей посредством закрытия всех университетов в России. (Для Московского университета делалось исключение. Предполагалось оставить его на развод, если в стране понадобятся ученые).

В Казани до открытия университета существовала только 4-классная гимназия, которую успел окончить будущий знаменитый математик Н. И. Лобачевский. В 1804 г. к этой гимназии пристроили, на правах квартиранта, университет для насаждения культуры в отдаленной провинции. Нахлынувшие сюда дворяне в погоне за даровыми имениями, чиновники, купцы образованием особенно не увлекались, смотрели на него глазами своих предков, считавшиш, что „они достаточно все понимают и без науки, и что, не учась грамоте, можно быть грамотным”. Словом:

„Овечки! Ни наук, ни правила не зная,
Паситесь в тишине. Не нужно то для вас...”

М. С-к

(Окончание следует)

С ЧЕМ ИДЕМ?

Удивительная, надо сказать, русская политическая эмиграция. Есть сейчас в зарубежьи бесчисленное множество организаций, но ни в одной из них нет определенного, конструктивного понятия о том, что-же она, эта политическая эмиграция, несет на родину, каков государственный строй она предлагает вместо диктатуры большевистской партии? Единственно кто идет с некоторой конкретной установкой, хотя эта установка является полнейшим абсурдом — это монархисты. Несмотря на утопичность их „идей", они твердо, неукоснительно, безапеляционно предлагают и утверждают, что только „царь спасет Россию", что „только монархия вернет благополучие русскому народу" и т. д. и т. д.

У остальных политических эмигрантов все в тумане, в недоговоренности, в половинчатости или... непредрешенчестве. Отождествление с социализмом большевиков сбило с панталыку даже социалистические партии, начавшие переоценивать старые ценности, вплоть до трактатов самого Карла Маркса.

Как себе представляют наши политики аграрный вопрос, каков будет передел земли? Каково станет соотношение рабочего класса с промышленниками, будь этот промышленник-государством или частником? В чьем ведении станет здравоохранение, образование, печать... Каковы произойдут вообще новые социальные реформы в новой России? Вопросов уйма, но ясного ответа на них нельзя услышать.

К примеру, солидаристы или партия НТС. Что то делают и за железным занавесом, и в Европе, и здесь. Даже имеют свое передвижное радио. А в чем их конкретная политическая программа? С чем они подойдут к русскому народу и иным национальностям, населяющим российские просторы?..

О Власовцах говорить не приходиться. Их пресловутый манифест — политический лепет. Есть еще „народники", „федералисты", „конституционалисты", „трудовики" и есть еще не мало политических разветвлений. С чем они подойдут к своим русским землякам? Что принесут с собой ясного, реального, конкретного, взамен большевизма, взамен партийной тирании?

Иногда является крамольный вопрос: да есть ли у нас вообще, кроме социалистических партий, еще какие либо политические группировки, т. е. люди с революцинной или контр-революционной идеологией? Ведь общее название нашего последнего этапа — „политические эмигранты", еще не определяет действительную политичность каждого. Не определяет и у многих, прошедших советскую ссылку и каторгу. Большинство из них на вопрос: „за что сидел?" ответит: „ни за что". А „ни за что" — сидело и репрессировалось большинство граждан в СССР. Нужны были руки на „социалистических стройках" Сибири, Дальняго Востока и иных мест, вот и брали людей „ни за что", пришивая им дело по политической статье. А к этой самой политической статье, эти люди не имели никакого отношения. Они не имели понятия ни об освободительном движении в России при монархизме, ни даже о самой сущности монархии, ни о революционных партиях, чем-то отличавшихся друг от друга... О социализме же они знали по поступках большевиков, не вдаваясь сущность этой идеи.

В газете „Новое Русское Слово" не раз появлялись конструктивные и актуальные статьи Петра Скитальца „Кронштадтский Тезис". Автор, безусловно знал и знает настроение народа там. В статьях речь идет, главным образом о том, что станется в России, после падения большевистской власти? Автор придерживается той концепции, что не все, что большевики сделали в стране, должно быть выброшено, как определяют некоторые „анти..." „Раз это большевистское — долой!" Петров-Скиталец говорит, наоборот, что все нужное, полезное останется и при новом

строе. Конструктивизм же Петрова-Скитальца заключается в его конкретном понимании, что надо нести взамен большевизма ТЕЗИСЫ КРОНШТАДТА. Тезисы, с которыми крепость восстала против большевистской тирании в 1921 г., известны российскому народу и понятны. „Вся власть Советам, без диктатуры партии". Кооперация, общинность, артельность в сельском хозяйстве. Рабочая синдикализация промышленности, вместо государственной собственности, уничтожение всякой сословной и национальной градации" и т. д., то есть за то, за что восстал в октябре 1917 г., боролся и погибал народ России. И что отняли и превратили в сплошное рабство большевики, возпользовавшись доверием к ним людей, населяющих Россию.

Вся логика сегодняшняго дня говорит за то, что статьи эти должны были вызвать горячий отклик в нашей эмиграции, вызвать дискуссии, прения, диспуты, полемику. Ведь тема эта горячая, нужная... Однако, в результате, исключая 3-4 бледных статей, наша политическая эмиграция отмахнулась, промолчала. Не расширила на страницах прессы дискуссию, несмотря на остроту и срочность данной темы. Симптомы этого молчания нехорошие. Сигнализируют они о печальном явлении в нашей среде. У нашей новой эмиграции, как видно, не имеется в запасе никакого идеологического багажа, никаких политических фондов. Идти же с одним только лозунгом — „долой большевиков, да здравствует свобода!" — мало. С ним, никуда не дойдешь, будешь только топтаться на месте. Да и для самих большевиков он не страшен. Для них только страшны ТЕЗИСЫ КРОНШТАДТА, с которыми народ России сможет вернуть свои отнятые права и этим самым уничтожить большевистский режим.

А. Вольный

О СВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ РОССИИ

(Отрывок)

Ликвидация большевизма — важный вопрос, но гораздо важнее и сложнее, пожалуй, вопрос будущего, послебольшевистского, общественного устройства. У политиков, конечно, всегда имеются свои заранее приготовленные рецепты и средства, не отличающиеся, впрочем, ни оригинальностью, ни разнообразием.

Все врачеватели исходят из одного общего понятия о том, что спасенный и освобожденный ими от ужасной большевистской тирании русский народ надлежит отдать в управление и опеку новой государственной власти — благодетельной и добродетельной, которая утрет слезы плачущим, позаботится о неимущих, просветит невежественных, накажет обидчиков, словом, установит на Руси правду и порядок.

Так твердят всем и монархисты, и демократы, и республиканцы. Все они наперебой рвутся к власти, все они хотят одного — занять все те государственные должности, на которых теперь восседают большевики, а потом, конечно, они уже подумают и позаботятся о народе.

Разрешение положительной стороны будущего устроения России начинается обычно спором о преимуществах одной формы политического правления над другой. Монархисты порицают республиканцев, а последние — монархистов. Некоторые государственники, не ослепленные партийностью, более здраво смотрящие на вещи, откровенно, однако, заявляют, что суть дела заключается не в форме, — монархии или республике, — а в ее содержании: бывают, мол, хорошие монархии и

отвратительнейшие республики и наоборот. Достоинства республики или монархии, поэтому, зависят не от одного названия, а от нравственных качеств, способностей людей, стоящих в данный момент у власти. Эти люди могут оказаться посредственностями, не стоящими на высоте своего призвания, и тогда государственное управление будет посредственным, плохим, но удачный подбор правящей группы даст стране достойное правительство.

С точки зрения государственников, от удачного подбора правящей группы зависит качество правительства (50 умных и добродетельных губернаторов" — по мысли Карамзина, которых, как известно, не нашлось ни у царей, ни у большевиков). И поэтому, центр тяжести должен быть сосредоточен на создании в стране политических условий, обеспечивающих наилучший подбор правителей-чиновников — посредством ли выборов, или назначения их коронной властью. Эти рассуждения сторонников государственной власти, на наш взгляд, неубедительны, содержат в себе неразрешимые противоречия. Управлять кем бы то ни было можно, во-первых, тогда, когда человек сам этого желает потому, что он не знает, как ему поступать в тех или иных случаях, ориентироваться в окружающией обстановке. Во-вторых, этот подвластный человек должен быть убежден в превосходстве правителей над собою в умственном, нравственном, практическом и других отношениях. Только при наличии этих условий можно оправдать существование той или иной власти. Ребенок или душевно-больной человек, конечно, нуждаются в руководстве, присмотре людей взрослых, опытных.

Но это ведь исключение. Общество надлежит мыслить, как собрание людей здравомыслящих, самостоятельных, с известным исторически сложившимся нравственным обликом, привычками, обычаями, интеллектуальным развитием, культурностью.

В Соединенных Штатах, например, все граждане получают почти одинаковое образование, которое, вплоть до высшего, общедоступно, если карман позволяет. Умственный уровень и носителя власти и управляемого почти одинаков, и управляемые очевидно не нуждаются в отеческих попечениях людей, именуемых властью.

Хуже всего то, что как в монархиях, так и в демократиях носителями власти являются как раз люди самые заурядные, в большинстве случаев с весьма дурными наклонностями. В чиновники больше всего попадают по протекции, или же ставленники политических партий. Все это люди сомнительной честности и нравственности, заботящиеся не о государственном преуспеянии, а о своем личном благе.

В каждом правительстве могут быть, конечно, люди гуманные, порядочные, но они являются исключениями, и, как общее правило, все их благонамеренные планы не выходят из области добрых пожеланий; в действительности же правит, господствует чиновничья камарилья, как саранча пожирающая все, что только она сможет. Вообще, что то очень редко приходится слышать о жертвенности, бескорыстии власть имущих. Скандальные же истории со взяточничеством, казнекрадством, в которых фигурируют даже высшие представители власти, становятся самым обыденным явлением нашего времени.

Может быть, никогда раньше, на протяжении всей истории человечества, государственная власть не доходила до такой степени падения, как теперь. Общеизвестен факт, что и в монархиях и в демократиях государственные должности стали предметом продажи и купли. Известно, например, что в назначении министров в царствование Николая II последнее решающее слово принадлежало пресловутому старцу Распутину. А в демократиях — на должности сенаторов, конгрессменов, губернаторов и т. д. попадают лица, уплатившие той или иной партии определенную дань за свою должность.

Государственная власть, являющаяся не чем иным, как насилием над всем обществом, в период своего долгого исторического существования не эволюционировала, не изменила своей антисоциальной природы, не могла побороть в себе злых начал, стать положительным фактором в развитии общественной жизни.

И глубоко заблуждаются те люди, которые хотят видеть в государстве, носителях власти какие то положительные начала. Если бы это было так, и власть в самом деле всем казалась бы чем то необходимым, благодетельным, то правительствам не приходилось бы содержать целых армий жандармов, сыщиков, полицейских и солдат для охраны прежде всего самих себя от революций, народных возмущений против власти, эксплуататоров.

**
*

Несмотря на все эти отрицательные стороны государства, защитники власти все еще не переводятся. Профессор Н. А. Алексеев в своей книге „На путях к будущей России" пытается разрешить проблему власти довольно спорным образом. Начинает он с признания несовершенств, релятивности и республиканской и монархической формы правления. На его взгляд, все эти формы не то, что надо для жизни России на началах правды, порядка. Упомянутые формы общественного устройства, на его взгляд, не отвечают идеальным требованиям, которые в общем у него сводятся к обеспечению прав на духовное развитие, средний достаток в жизни. Он в одинаковой мере восстает против нищеты и чрезмерного богатства — „свинарни".

Отвергнув монархическую и республиканскую форму правления, как не разрешающие поставленного вопроса, проф. Алексеев не мог, однако, отрешиться от государственнических традиций, запутался в советизме.

То, что не по силам разрешить монархии или республике, проф. Алексеев полагает может найти разрешение в советском строе. Строй этот он мыслит без коммунистов, и думает, что, устранив этих дьяволов, советская форма правления превратится в сносную. Советское государство без коммунистов он называет „праведным государством". В это государство им вносятся некоторые поправки. Одной из них весьма существенной является уравнение прав города и деревни в смысле участия в выборах в советы.

По теперешней советской конституции, полнотой прав пользуются только города, т. е. пролетариат; участие же деревни в управлении страной ограничено, носит лишь косвенный характер. Система советских выборов построена таким образом, чтобы город управлял деревней.

Это преобладание в советском правительстве городского элемента сейчас же обнаруживается, как только крестьянин оказывается за пределами своей волости. На окружной (уездный) с'езд советов сельские советы посылают своих представителей по расчету 1 депутат на 5000 жителей, тогда как город туда посылает 1 депутата на 1000 избирателей. Иными словами говоря, каждый пролетарий в сов. России ценится, пользуется политической властью в 5 раз больше, чем крестьянин.

Но это политическое неравенство прав крестьянина и пролетария по мере приближения к центру власти еще больше увеличивается. Города, например, пользуются правом непосредственной посылки своих представителей на губернский с'езд советов по расчету 1 депутат на 5000 избирателей. Сельские же советы лишены этого права, избирают туда своих представителей на уездных с'ездах советов по расчету 1 депутат на 25.000 жителей.

Город непосредственно посылает депутатов на всесоюзные и республиканские с'езды по расчету 1 депутат на 25.000 избирателей. Деревня же выбирает своих представителей не непосредственно, а на губерниских и уездных с'ездах советов по

расчету 1 депутат на 125.000 избирателей.

Эти недостатки советской избирательной системы проф. Алексеев считает нужным исправить, уравняв в правах город и деревню, что, разумеется, приведет к преобладанию в правительстве крестьян над горожанами.

Таковы в общем главные очертания „праведного государства" проф. Алексеева. Ему нравится в большевистских советах идея сильной власти, фактически приводящая к единоначалию. По мнению проф. Алексеева, Ленин был первый советский царь.

И это, так сказать, неузаконенное единодержавие надо будет, по мнению проф. Алексеева, легализировать в „праведном государстве". Таким образом, по концепции проф. Алексеева, советское праведное государство должно быть преимущественно крестьянским, и, возможно, возглавляемым президентом или монархом.

В праведности подобного государства нельзя, разумеется, не усомниться. Одного, хотя бы хорошего слова, конечно, недостаточно для того, чтобы создать „праведное государство". Можно его назвать как угодно. Инквизиция нисколько не была лучше от того, что носила название святой; Чека и другие подобные институты власти и в праведном государстве очевидно будут заняты тем же неправедным делом, как и при большевиках.

Не будет в этих почтенных учреждениях коммунистов, но на их местах воссядут, разумеется, их „достойные" заместители. Вся несостоятельность рецептов проф. Алексеева именно заключается в том, что он, вообще скептически относящийся к республиканской и монархической форме правления, неожиданно наделяет советскую систему (без коммунистов) качествами праведного государства, хотя по существу дела его неосоветская форма является такой же многогрешной, как и большевистский советизм; во всяком случае, нет оснований верить в возможность создания праведного человека посредством неправедного государства.

***

Как же все-таки может быть разрешена проблема общественного устройства России?

Можно, разумеется, продолжать искания „праведного государства", блуждать в лабиринте всевозможных политических систем и форм правления, видоизменять их, уверять себя и других, что мы прогрессируем, идем к лучшему. Но в действительности это будет самообман и топтание на месте.

Проблема более совершенного общественного устройства может быть разрешена не посредством реформирования государства, а более радикальным путем: когда мы раз навсегда покончим с исканиями, созданиями „хороших" правительств.

Надо прежде всего раскрепостить общество от государственной зависимости. Сколько бы ни приводилось аргументов в защиту положительных сторон государственной власти, все они кажутся ничтожными в сравнении с тем злом, которое порождает государственная власть. Деятельность ее в очень немногих случаях направлена на добрые, полезные для всего общества дела.

В созидательной, творческой работе участие государственной власти очень скромно, особенно если принять во внимание, что защитники власти весьма часто приписывают государству заслуги, принадлежащие не ему, а частной инициативе.

Мы знаем, например, что успешные предприятия — железные дороги, крупные торгово-промышленные предприятия, лучшие университеты (в Америке) и т. п. — созданы не государством, а отдельными выдающимися людьми, или группами частных лиц.

Государство же очень мало интересуется такими положительными достижениями, а если и берется за проведение какого нибудь хозяйственного дела, то оно обходится стране в несколько раз дороже, чем

при частной инициативе, и в большинстве случаев заканчивается историями скандального характера.

Государство в действительности обладает паразитическими, полицейскими функциями. Оно пожирает колоссальные суммы на свое содержание, а главная его работа заключается в закрепощении общества. Государственное угнетение чувствуется не только одними, так называемыми, преступниками, нарушителями законов, но и всем обществом в целом. Никто и ни в каком государстве не застрахован от произвольных арестов, преследований, издевательств власти.

В некоторых странах, как, например, в России, государственная тирания большевиков не знает предела, и фактически превратила страну в одну огромную тюрьму. И когда государственники говорят о замене одной власти другой, то это напоминает не более, как процедуру смены старых тюремщиков новыми. Решетки-то государственные остаются, а, следовательно, люди будут попрежнему на положении заключенных.

На наш взгляд совершенно бессмысленными кажутся всякие попытки создать праведную власть, т. е. найти хороших тюремщиков. Тюремщики, в какие цвета они ни рядились бы, будут оставаться тюремщиками.

Праведная власть, ангельская власть, которая не делала бы людям зла, т. е. не преследовала бы их за убеждения, не вмешивалась бы в их личную, общественную жизнь, не тащила бы их в солдаты, не грабила бы их принудительными налогами, не бросала бы их в тюрьмы, не беспокоила бы своими различными притязаниями — не только является утопичной, иллюзорной мечтой увлекающихся государственников, но стала бы в свободном обществе совершенно излишней, как змея, утратившая свое жало.

Поэтому, решительное отвержение всякой государственной власти — монархической, республиканской или советской — является одним из первых условий разрешения социальной проблемы как в России, так и в других странах, не в интересах одной какой либо господствующей политически или экономически группы, а всей страны в целом.

В первую очередь перед всеми ищущими правды, должен встать вопрос об освобождении людей от всякой государственной власти и экономического порабощения. Правительственная власть, как вредное, устарелое установление, не отвечающее теперешнему умственному, культурному развитию человечества, — должна исчезнуть, отойти в область предания.

В соответствии с изложенными соображениями, вырисовываются и контуры будущего общественного устройства России. Оно представляется нам свободным от всяких правительств, слагающимся из добровольных об'единений людей, на договорных началах, в форме самоуправляющихся вольных деревень и городов, ассоциаций, общин и коммун, об'единяющихся в федерации и конфедерации для обслуживания различных нужд, запросов, потребностей безвластного общества, в котором человек не властвует сам над другими и другим не позволяет властвовать над собой, не эксплоатирует других и этим последним не позволяет эксплоатировать себя.

Таковы очертания более справедливого, совершенного общества.

М. И. СУК

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Вспоминается прошлое, дореволюционное время. Сколько отважных борцов погибло в тюрьмах и в гиблых местах Сибири? И гибли они не за свое личное дело, а за то, что хотели хоть немного улучшить положение населения страны. В большинстве случаев страдавшие и погибавшие все имели: богатство, почести, славу, высокие звания и т. д. Но они этим не могли спокойно, без угрызения совести, пользоваться, ибо видели вокруг себя вопиющую несправедливость. Они видели, что подавляющее большинство населения пребывало в темноте, нищете и невежестве. Они на каждом шагу наталкивались на безнаказанный произвол. И они, подобно сказочному Георгию Победоносцу, выступали на борьбу со страшным чудовищем — царским произволом. Борьба была неравная: на одной стороне стояло вооруженное с ног до головы правительство, а на другой — горсточка отважных революционеров, все вооружение которых состояло в том, что на их стороне была правда. Победа, однако, в конце концов досталась последним. Правда, досталась она дорогой ценой, ибо до этого много молодых и цветущих жизней было загублено. Но все же час искупления, как говорится в одной песне, наступил. Взошло яркое солнце и, казалось, что оно больше никогда не зайдет. Увы, закат наступил прежде, чем его можно было ожидать. С воцарением у власти одной партии, небо опять заволоклось свинцовыми тучами, продолжающими до сих пор висеть над всей обширной страной.

Характерно, что у новых властелинов есть много общего со старыми. Царское правительство опиралось главным образом на касту привилегированных, — на такую же касту привилегированных опирается и большевистское правительство. Царское правительство в основу клало немецкую казармщину, — немецкую казармщину в основу кладет и большевистское правительство. В жилах царского правительства текло много немецкой крови и та система, которую оно устанавливало в России, была заимствована у немцев, — у немцев же (К. Маркса) большевики позаимствовали и свою систему. Царское правительство для поддержания своего престижа прибегало к разной чертовщине вплоть до святых мощей, — к помощи мощей (Ленин и Сталин) прибегают и большевики для поддержания своего престижа. Как у царского правительства все начиналось цитатами из священного писания, так и у большевиков все начинается цитатами из Карла Маркса и Ленина. Как царскому правительству были чужды интересы русских земледельцев, так чужды интересы русских земледельцев большевикам.

А между тем, Россия, несмотря на все спутники и ракеты, страна преимущественно земледельческая. С земледелия, с интересов земледельца и следовало бы все начинать. Большевики же начали как раз с противоположной стороны. Они поставили русского крестьянина на голову, выражаясь языком Энгельса, и хотят, чтобы этот крестьянин, поставленный в ненормальное положение, мог хорошо работать. Напрасные потуги. Для того, чтобы крестьянин хорошо работал — в основе должны лежать его, крестьянина, интересы, а не чуждая ему идеология. Интересы крестьянина давно выражены известными словами: хлеб и воля. Крестьянину нужен хлеб, нужна и воля. Если хлеб, выращиваемый крестьянином, кто-то забирает и если его волю кто-то попирает, тогда у крестьянина нет никакого желания к работе.

Отсюда можно заключить, что русский землероб — большой эгоист, что он только думает о своих личных интересах и т. д. Это не совсем так. Личные интересы присущи каждому человеку, присущи они и земледельцу. Но эти интересы легко могут быть заглушены чем-то высшим. Если русский крестьянин видит, что есть что-то такое, что приносит всем благо и дает всем пользу, то он охотно пожертвует своими личными интересами. Но вот этого, приносящего общую пользу и благо, как раз у большевиков и нет. Большевики построили такой строй, в котором нет ничего возвышенного, ничего всенародного. Поэтому вполне понятно, почему там привалируют личные интересы. Раз нет ничего возвышенного — людям остается жить только личными интересами.

Напрасно Хрущев раз'езжает по стране и задает своим опричникам головомойки. Этим делу он не поможет. Суть тут не в отдельных личностях, а в том, что Хрущев создал порочную систему. Хрущев принуждает крестьян отдавать хлеб государству, при том, в самом большом количестве, принуждение же — есть принуждение. Где принуждение, там никакой личной заинтересованности быть не может. А без личной заинтересованности дело сгниет на корню, как любит выражаться Хрущев.

Какой-то рок тяготеет над населением России. Горемыкало оно при царях, но зато цари веселились в своих роскошных палатах, горемкает население и при Хрущеве, но за то

Хрущев веселится и стучит своим башмаком на весь мир. Вводили цари казармщину немецкого образца в России, вводит ее и Хрущев. Боялись цари свободы, боится ее и Хрущев. Но как царям не удалось вечно царствовать, так и большевикам не удастся вечно пановать. Всему бывает конец. Придет „капут" и большевикам, особенно — если они не будут считаться с интересами населения страны.

Гр. Р-вич

ИЗ ПРОШЛОГО

Трудно писать на серьезные темы, не имея соответствующих данных. У нас почему-то не было принято вести дневники, вследствие чего многое из того, что было, если оно случайно не задержалось в памяти, кануло в вечность. Ушло, как ветром унесло...

Особенно трудно писать на исторические темы мне, ведшему долгие годы кочевой жизни. Но нужно что-то написать...

Пока я жил в Детройте, у меня накопился было кое-какой материал. Но когда мне пришлось Детройт оставить, то вместе с тем остался там и накопившийся материал. Тогда мне и в голову не приходило, что когда-нибудь потребуются имена и даты.

В Детройт я приехал в 1917 году и почти сразу же попал на собрание Союза Русских Рабочих № 1, имевшего свое помещение в самом центре города. Там я узнал, что в другой части города, в Хамтрамке, имеется СРР № 2. Так как я жил в этом районе, то само собой понятно, что я стал членом СРР № 2. Жизнь во всех СРР тогда била ключем. Особенно оживленно и многолюдно всегда было в помещении СРР. № 2. Там существовал особый кружок, ставивший своей целью подготовке пропагандистов. Члены кружка собирались почти каждый вечер, читали какую-нибудь книгу (если не всю, то отдельную главу), брошюру или же какую-нибудь злободневную статью, а затем дискуссировали по поводу прочитанного. Так как все это делалось открыто и было общедоступно, то количество участников этих дискуссий с каждым разом возрастало. Приходили и лица посторонние, не состоявшие членами СРР. Дверь для них была открыта... Впрочем, они долго не оставались посторонними. На ближайшем же собрании они записывались в члены Союза. Иногда даже друзей своих приводили и тоже рекомендовали в члены Союза. Количество членов организации, вследствии всего этого, росло сказочным темпом. Ни одна русская организация в Америке не прогрессировала так быстро, как СРР в первые годы после русской революции. Люди оставляли все порочные места — кабаки, бильярдные и картежные заведения, а так же и церкви — устремлялись в СРР. Там они находили не только приятное (развлечения, разумные, конечно), но и полезное. Под влиянием той атмосферы и того духа, которые царили в СРР, люди быстро перерождались, забывали о своих прежних позорных привычках, становились сознательными, здоровыми — как в физическом, так и в моральном смысле — членами трудовой семьи, а вместе с тем и всего человечества.

Такие массовые перерождения — от плохого к хорошему — редко бывают в истории. Обыкновенно люди скорее воспринимают плохое, а не хорошее. В те же годы в русской колонии царила тяга к хорошему, к возвышенному. Иногда достаточно было одной лекции, одной брошюры или же хорошей статьи, чтобы человек из завсегдатая кабаков или церквей превратился в преданного идеалиста. Все позорное и отрицательное отмирало; на первый план выступило все чистое и возвышенное. Каждое воскресенье возле цер-

кви шли оживленные споры и дискуссии, внутри же церкви было пусто. Люди прислушивались к тому, что говорили анархисты, но не к тому, что говорили священники с амвона. И последним часто приходилось на помощь звать полицию, которая, конечно, митинг возле церкви могла разогнать, но не могла загнать людей в церковь.

В самый разгар кипучей деятельности СРР, в конце 1918 года, мне пришлось оставить Детройт и переселиться в Кливланд. Когда я в начале 1920 года обратно вернулся в Детройт, то СРР уже не было, но организационная работа продолжала кипеть. Не имея возможности работать легально, люди пошли в подполье, организовались в небольшие группы и продолжали ту работу, которая раньше велась в СРР. Несмотря на то, что в Детройте в то время было уже несколько групп, но по моей инициативе была организована еще одна группа — 7-ая по счету. Каждый член группы ежемесячно вносил в кассу однодневный заработок, поэтому в кассе всегда были деньги, что давало возможность жертвовать на издание литературы и помогать политическим заключенным.

Как видно, никакими внешними мерами, даже самыми свирепыми, движения нельзя убить, если внутри этого движения имеется живительная, творческая сила. Палмер наши организации разбил, превратил их в пепел, но движения он не убил. Живительный поток пошел в ином направлении, и наша плодотворная работа продолжалась.

В начале 1920 года появился первый номер „Волны". Идея издания журнала зародилась в Кливланде. Ничего не было: ни средств, ни опыта, даже типографии нельзя было найти в Кливланде. Пришлось печатать журнал в другом городе. Издатели и редакция — в одном городе, а типография — в другом... Но, несмотря на это, работа спорилась... Яков Сибирский, живший в Чикаго и взявший „Волну" сразу же после ее появления в штыки (Сибирский примыкал к индустриалистам, почему-то критиковавшим анархистов)), так и не знал, что журнал наш печатался чуть-ли не на той же улице, на которой он же жил. Как только „Волна" достигла читателей — деньги на ее издание потекли ручьем. Выход журнала с финансовой стороны был вполне обеспечен. Через несколько месяцев после выхода „Волны" вышел другой анархический журнал — „Свободное Общество" (в Канаде). Вскоре оба журнала слились; редактор „Свободного Общества" начал редактировать „Волну", вследствие чего наше движение значительно выиграло, так как помимо прекращения распыления сил, журнал „Волна" обогатился новыми сотрудниками.

Грамотеи из лагеря профессиональных писак, читая наши журналы, иногда морщились. Дескать, как коряво и нескладно написано... В сущности же, нужно было не морщиться, а удивляться, что люди от сохи, до своего приезда в Америку понятия не имевшие об издательском деле, поднялись до такой высоты, что могли своими собственными силами ежемесячно выпусткать свежие номера журнала. Если бы это делалось профессиональными журналистами — ничего необыкновенного не было бы: на то они и профессиональные журналисты, чтобы издавать журналы. Но это делалось, повторяем, простыми рабочими, ежедневно проводившими свои обычные часы у фабричных станков или же у тачки и лопаты, и только вечерами имевшими возможность уделять несколько часов издательскому делу. Просто приходится удивляться, откуда у этих людей бралась возможность писать статьи для журнала и как они могли выполнять другую работу, связанную с изданием. И все это выполнялось в большинстве случаев совершенно бесплатно. Больше того: те же лица, которые заполняли журнал своими статьями, иногда жертвовали на это дело свой дневной заработок. Настоящее подвижничество...

Жаль, что многие из этих подвижников-идеалистов уже нет среди нас. Некоторые умерли, а некоторые устали, одряхлели и ушли в сторону. Но придут времена, вспыхнет опять то, что было после русской революции, появятся новые люди, и они, быть может, вспомнят о нас, простых деревенских парнях, сумевших в поисках правды и справедливости владеть не только топором, но иепром.

Да, большая работа в Америке была проделана простыми русскими людьми. Издавали газеты, журналы, печатали книги... Некоторые стали лекторами, иные — поэтами или журналистами, не уступающими профессионалам. И все при помощи самообразовния...

Поистине великие возможности и способности таятся в среде простолюдинов. Жаль только, что эти способности в большинстве случаев пребывают в летаргическом сне.

Илус

ОБ ОДНОМ КОМИТЕТЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Письмо в редакцию

Уважаемые товарищи: Буду весьма благодарен вам, если вы поместите на страницах „ДТ-П" мое нижеследующее письмо.

Как казначей бывшего Комитета по оказанию помощи К. Ф. Гордеенко, я получил много писем из разных городов, авторы которых просят меня дать некоторые подробности как о комитете, так и последствиях, вызванных этим комитетом. Не имея возможности отвечать всем лично, я решил сделать это при помощи печати.

Говорить об истории вышеназванного комитета, пожалуй, нет смысла, так как история эта почти всем известна, но о последствиях следует сказать несколько слов, ибо они, я думаю, мало кому известны.

Комитет по оказанию помощи Гордеенко, как известно, организался приблизительно в средине 1958 года. Выступили в печати с призывом, и призыв превзошел все ожидания: в кассу комитета начали почти ежедневно поступать пожертвования. Душа радовалась при виде щедрой помощи на нужное дело. К сожалению, комитет просуществовал недолго — всего лишь около 3-х месяцев. В конце ноября 1958 г. Гордеенко умер, а вместе с тем умерла и надобность в существовании комитетов по оказанию ему помощи.

Казалось бы, что тут нужно поставить точку. Раз нет больного, нуждающегося в помощи человека, о чем же еще говорить? Увы, тут только и начинается то, о чем я хочу рассказать. Когда пришла весть (телеграмма) о смерти Гордеенко, в кассе комитета было 140 долларов. Эти деньги я немедленно же передал С. Павлову, председателю комитета, для того, чтобы он поехал во Флориду (где жил и умер Гордеенко), похоронил скончавшегося товарища и привел в порядок все то, что после его смерти осталось. Павлов вместе с женой тот час же отбыли во Флориду.

Последние годы своей жизни Гордеенко прожил в домике на колесах — трейлере. И вот, собравшиеся на похороны товарищи вошли в этот домик и начали осматривать оставшиеся вещи. И что же? К великому удивлению собравшихся, среди оставшихся вещей оказались четыре банковые книжки. Правды, общая сумма сбережений на этих книжках по теперешним временам оказалась не такой уж большой (около 4-х тысяч долларов), но дело тут не в размере сбережений, а в том, что они оказались у человека, которого мы все принимали за бедняка и которому старались по силе возможности помочь. Оказывается, что Гордеенко, получая пожертвования от своих товарищей, вместо того,

чтобы употребить их на лечение и пропитание, старательно копил все, что получал и аккуратно относили эти скудные копейки в банк. Винить покойного за это, быть может, и не приходится, ибо страдал от этого только он, постоянно не доедал и не покупая нужных лекарств. Но если бы Гордеенко делал это открыто, если бы все знали, что деньги он старательно относит в банк, а сам голодает вследствие этого, то сейчас, пожалуй, и говорить об этом не пришлось бы. Своей судьбою и своими сбережениями, ведь, каждый из нас имеет полное право распоряжаться так, как ему вздумается. Но дело тут в том, что Гордеенко все это делал тайно. Никому ничего об этом не говорил. Наоборот, часто повторял — лично и письменно — что нужно лечиться, нужно жить, а денег на то и на другое — нет.

Было бы еще не так обидно, если бы Гордеенко сделал завещание с точным указанием куда и на что его сбережения должны пойти после его смерти. Но завещания не оказалось. В результате этого, те трудовые сенты, которые наши товарищи, отрывая от своих скудных бюджетов, посылали больному и нуждающемуся, как им казалось, человеку, достались чорту нетруженному — властям.

Но это только половина этой печальной истории. Другая половина заключается в том, что Павлов и другие лица, присутствовавшие при обнаружении сбережений, решили все это скрыть, т. е. пошли той же дорогой, по которой шел Гордеенко. Больше того: когда слухи об оставшихся сбережениях начали все же распространяться, Павлов категорически заявил, что никаких сбережений покойный не оставил и что слухи об этом — результат неосторожной шутки. Как потом выяснилось, Павлов, отрицая наличие сбережений, сам тем временем принимал соответствующие шаги с целью завладения этими сбережениями. Дело в том, что по законам штата, все расходы, связанные как с похоронами покойника, так и с оказанием нужных ему услуг при его жизни, могут быть покрыты из оставшихся без завещания сбережений. Павлов этим законом и воспользовался. Он составил список всех своих расходов, связанных с именем Гордеенко, и представил это властям. Состоялся суд, на котором требования Павлова частично были удовлетворены. Частично, ибо Павлов требовал свыше 3-х тысяч долларов, а ему было присужено 1900 долларов. Всей этой суммы Павлов, конечно, не мог получить. Большая часть попала в карманы адвокатов, Павлову же досталось около 900 дол., плюс те 140 дол., которые он получил от комитета на поездку во Флориду.

Никто, конечно, не станет утверждать, что Павлов не имел права на возмещение своих убытков. Такое право — как в моральном, так и в юридическом смысле — он, безусловно, имел. Но, во-первых, подобное же право имели и другие, а во-вторых, это еще не достаточная причина для того, чтобы играть в прятки. Павлов мог открыто, сразу же после похорон Гордеенко, заявить, что дескат оказались сбережения, но не оказалось завещания, и что эти сбережения можно вырвать из рук властей только путем пред'явления своих расходов. Никто против этого не стал бы возражать.

Кстати, следует сказать несколько слов о злополучных сбережениях. Гордеенко, как известно, последние годы своей жизни прожил без работы. Скопить несколько тысяч долларов он мог только из тех денег, которые получал в виде пожертвований от читателей „ДТ-П" и из тех 50 дол., которые ему ежемесячно уплачивались из запасного фонда предназначенного на издание журнала „ДТ-П". Других источников дохода у него не было. Следовательно, самым первым претендентом на оставшиеся сбережения мог быть журнал „ДТ-П". Это из его запасного фонда и из карманов его читателей составились сбережения. И если бы Павлов передал в кассу „ДТ-П" хотя бы часть из полученной им суммы,

то этим он до известной степени оправдал бы свой поступок. Тогда можно было бы толковать, что Павлов действовал исподтишка из-за опасений, что если он станет действовать открыто, то власти тем или иным путем узнают, что он требует деньги для того, чтобы употребить их на анархическую литературу и откажут ему в требовании. Но Павлов ничего не передал в кассу журнала, ни по своему личному почину, ни по совету других.

Вот это все, что мне хотелось сказать в своем письме. Теперь читатели сами могут сделать свои выводы и заключения.

Иван Сивко

Детройт, Мич.

И. ФЕДОРЫШЕН

С Иосифом Федорышеным я познакомился в 1916 году. Наше знакомство потом перешло в дружбу. Сначала мы работали вместе в Канаде, а потом в Соединенных Штатах. Мы составляли небольшую группу — около пяти человек — дружившую годами и всегда работавшую вместе, — летом на лесопилках, а зимою в лесах.

Русская революция всколыхнула всех русских эмигрантов, живших в Канаде. Мы встретили революцию с большим энтузиазмом, не задумываясь о ее последствиях. Весною 1918 года один из русско-украинских политических деятелей, Ф. Доминяк, предложил нам создать организацию. Мы охотно приняли его предложение. На первом же собрании дали название своей организации „Прогрессивный Клуб". Так в глухой канадской провинции, в мало населенной местности — Форт Френсес, Онтарио — возникла русская организация. И. Федорышен был участником создания этой организации, членский состав которой не превышал 15 человек. Собрания состоялись каждое воскресенье, и на одном из этих собраний было решено выписать из Нью Иорка книг на 50 долларов.

С наступлением зимнего сезона положение осложнилось тем, что членам Прогрессивного Клуба пришлось раз'ехаться по „кемпам" на лесные работы. Организация превратилась в кочевую, но продолжала существовать. Связь между членами поддерживалась письменно. К концу зимы членам Прогрессивного Клуба удалось собраться почти всем на одном „кемпе", куда к этому времени прибыли и книги из Нью Иорка. Среди прибывших книг оказалось собрание сочинений Толстого „Будущее общество" Жана Грава, популярные книги Лункевича, проф. Вагнера и дрг. С большим увлечением мы принялись за чтение книг, чему в значительной степени способствовала лесная тишина, но в это время произошел неожиданный случай, переменивший весь наш уклад жизни. Наш „босс", поспорив с одним из рабочив, дал ему расчет. Мы уже знакомы были в то время с лозунгом „Все за одного и один за всех", поэтому в знак солидарности решили оставить лесные работы. Сказано — сделано. Через несколько дней мы все очутились в том самом городке, откуда с наступлением зимы раз'езжались по „кемпам" — в Форт Френсес. Лесопилка еще бездействовала, а другой работы в Форт Френсес не было. Что делать? После некоторых обсуждений все члены клуба решили переехать в Соединенные Штаты. Переезд из Канады в Соед. Штаты тогда не представлял больших затруднений, поэтому в начале весны 1919 г. мы все переселились в Интернешионал Фоллс, Миннезота, где вскоре получили работу — кто на лесопилке, работавшей круглый год, а кто на бумажных фабриках, тоже работавших круглый год.

Как только мы обосновались на новом месте, перед нами встал вопрос о возобновлении нашей организационной деятельности. Перед нами стояла задача: к какому течению примкнуть? Целый год мы искали нужного нам течения. На помощь нам тут пришла книга Кропоткина „Хлеб и Воля". Прочтя эту книгу, мы пришли к заключению, что самой лучшей организацией для нас будет Союз Русских Рабочих. И. Федорышен был горячим сторонником создания СРР в Интернешионал Фоллс, Мин. Вскоре СРР присоединился к Федерации СРР. К нам начали приходить и записываться в члены не только русские, но и выходцы из Галиции. Членский состав за сравнительно короткое время превысил 50 человек, что для такого провинциального города, как Интернешионал Фоллс, считалось большим успехом.

Весть об успешной деятельности нашей организации дошла до большевиков, начавших присылать к нам своих агитаторов. Первым приехал к нам Ф. Доминяк, по совету которого мы создали в Канаде Прогрессивный Клуб. Доминяк, повидимому, расчитывал, что благодаря своему знакомству с нами, ему удастся перетянуть нашу организацию на сторону большевиков. Но из его стараний ничего не вышло. Мы уже хорошо знали, что такое большевизм и определенно заявили Доминяку, что не желаем надевать на себя новую кабалу. Как бы в отместку за это Доминяк по возвращению в Канаду захватил в свои руки все то, что принадлежало Прогрессивному Клубу в Форт Франсес, в том числе и книги, выписанные нами из Нью Иорка, и передал все это винипегским большевикам.

После палмеровских погромов мы были взяты, что называется, „на карандаш". Городские власти собирались учинить набег на помещение нашей организации. Но в городском совете, к нашему счастью, оказался человек, симпатизировавший нам. Он предупредил нас о готовящемся набеге и посоветовал нам уехать куда-нибудь в другой город. Его совет мы приняли к сведению и в начале 1920 г. оставили небезопасный Интернешионал Фоллс. Местом нового жительства мы избрали Детройт.

По приезде в Детройт мы почти всем своим коллективом включились в организационную работу, какая только тогда там была возможна. Федорышен примкнул к Профессиональному Союзу. Через некоторое время он занял пост секретаря Союза, а также выполнял другие технические работы, связанные с устройством концертов, пикников и т. п. В середине 20-х годов Федорышен предпринял поездку в СССР с намерением навестить родных. Ему удалось побывать в Москве, где тогда еще функционировала анархическая организация Черный Крест. С секретарем этой организации, Агнией Солоневич, Федорышен имел продолжительную беседу. Свои впечатления о поездке в СССР Федорышен изложил в двух статьях, напечатанных в свое время в „Рассвете". Статьи эти до сих пор не утратили интереса.

В Детройте одно время существовала вечерняя школа грамоты для взрослых. Федорышен был прилежным учеником в этой школе. Он прошел курс грамматики от этимологии до теории словесности. Изучал он также алгебру, геометрию, тригонометрию и физику. В довершение к этому Федорышен много читал, поэтому вполне справедливо считался одним из наиболее развитых людей среди прогрессивной части русской колонии гор. Детройта. Если где-либо состоялась конференция, и если Профсоюзу нужно было послать на эту конференцию опытного представителя, то жребий падал почти всегда на Федорышена.

Со смертью Федорышена детройтский Профсоюз потерял незаменимого работника, не покладая рук трудившегося на благо организации на протяжении почти сорока лет. Потеряли и все мы хорошего друга и товарища.

Спи же, незабвенный наш Иосиф! Да будет тебе американская земля легка!

Друг

ЛОНДОНСКАЯ „ФРИДОМ"

В издающейся в Лондоне анархической газете на английском языке произошли некоторые улучшения. До этого года газета выходила еженедельно — 52 номера в год. В этом году выйдет только 40 номеров „Фридом" прежнего формата. Остальные 12 номеров выйдут в форме журнала. Первые три недели каждого месяца предназначены для „Фридом", а последнаая неделя для журнала, носящего название „Анархия". В журнале 32 страницы; газета же остается в прежнем об'еме — четыре страницы. В газете, как и прежде, печатаются главным образом комментарии на злобу дня, а в журнале — более отвлеченные (теоретические) статьи. Между прочим, „Фридом" в этом году отметила 75-летие своего существования, — событие, редко встречающееся в анархической прессе. Газета была основана в 1886 году при ближайшем участии Кропоткина.

Годовая подписная плата на „Фридом" и „Анархию" — 5 дол. на американские деньги.

Писать следует по следующему адресу:

FREEDOM PRESS
17a Maxwell Road
London SW 6, England.

„ВЬЮ энд КОММЕНТС"

Вышел из печати № 41 журнала „Вью энд Комментс" („Взгляды и Комментарии"). „Вью энд Комментс" издается американскими анархическими группами, входящими в Либертарную Лигу. Адрес журнала:

VIEWS and COMMENTS
P. O. Box 261, Cooper Sta.
New York 3, N. Y.

ПИСЬМО ИЗ ДЕТРОЙТА

Уважаемые товарищи! Посылаем вам 204 дол. и 25 сентов: 17 долларов — выручка от продажи журнала, а остальные — пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: М. Волынский 20 дол., К. Полейко, С. Скробот и И. Черный по 10 дол., И. Чуган, А. К. и К. С. по 5 дол., собрано на лекции о Толстом 23 дол., из Канады через И. Усатого 73 дол. (отчет и письмо помещается ниже), из Майями от Ф. К. 3 д. 25 с., из Сан Франциско: Н. Г. 15 дол., Н. К. 3 дол., из Торонто от А. Стаеха 5 долларов.

Свыше 50 лет тому назад в Детройте был основан Русский Прогрессивный Рабочий Клуб. Его организаторами являлись некоторые интеллигенты, бежавшие от преследований царского правительства, а также простые русские рабочие, приехавшие в эту страну на заработки. Этот Клуб был первой русской прогрессивной организацией в Детройте. В 1913 г. был организован второй клуб того же названия. В 1914 г. в Детройте состоялся первый с'езд русских прогрессивных организаций, на котором было решено все прогрессивные организации переименовать в Союзы Русских Рабочих и слить их в одну Федерацию. За 5 лет (1914-1919) Федерация СРР стала весьма многочисленной. Ее отделы возникали даже в небольших городах Соединенных Штатов и Канады. В больших же городах было по несколько СРР. Например, в Детройте было шесть Союзов Русских Рабочих и один Союз Русских Граждан. И в помещениях этих организаций всегда было шумно и многолюдно. Люди устремлялись туда в поисках того, что называется духовной пищей. На лекциях знакомились с различными социальными системами, а в вечерних школах изучали грамоту, технику или же театральное искусство.

В 1919 г. Палмер разгромил Союзы Русских Рабочих. Пришлось уйти в подполье и заняться созданием нелегальных групп. В Детройте таких групп насчитывалось семь или же восемь. Возникла также массовая легальная организация — Русско-Украинская Театральная Ассоциация. Через некоторое время членами театральной ассоциации, а также некоторыми групповиками был создан Профсоюз, который продолжает существовать до сих пор, помогая материально и морально изданию анархической печати, празднующей в этом году свое 50-летие. Выражаем свою глубокую благодарность всем детройтским организациям и отдельным товарищам, не перестающим поддерживать свою свободную печать, также необходимую человеку, как и воздух.

Профсоюз

ПИСЬМО ИЗ КАНАДЫ В ДЕТРОЙТ

Дорогие товарищи. На частной вечеринке у супругов А. В. Кучер, состоявшейся осенью прошлого года, был поднят вопрос об оказании посильной помощи журналу „ДТ-П" в связи с предстоявшим выходом Толстовского номера в увеличенном размере.

Согласились придти на помощь следующие товарищи: И. У., Северянин, Л. Петров, А. Кучер и Шумович — по 10 дол., Шабан, Шпаковский, Корин и Дора — по 5 дол., Я. Стасевич (из Детройта) 3 доллара. Итого — 73 доллара.

Всем жертвовавшим выражается глубокая благодарность.

Илус

ПОМОЩЬ ЖУРНАЛУ

Доланд, Охайо. С. Медынич — 10 д., П. Шумко — 10 д., Семенос — 5 д., **Чикаго,** Волков — 5 д., Читатель — 20 д., **Брукфилд,** Илл. от Читателя — 5 д., **Ганфилд,** П. Ф. Кунавич — 6 д., **Кливланд,** Охайо, Громыко — 3 д., Сарра Данилюк — 15 д., **Торонто,** Канада, П. Гронский — 5 д., **Оранж,** Конн., Е. Бура — 2 д., **Стратфорд,** Конн., Шелег — 5 д., **Ист Бронсвик,** Н. Дж., Ф. Черновец — 7 д., **Монтреал,** Канада, В. Шехов — 5 д., Н. Резанович — 10 д., Аданис — 3 д., Канторович — 3 д., **Виндзор,** Кан., А. Кравчук — 5 д., **Нью Иорк,** Зеленюк — 10 д.

„НОВЫЙ ЖУРНАЛ"

Общественно-политический и литературный орган. — Выходит периодически в форме большой книги.

Адрес:
NEW REVIEW
2700 Broadway New York 25, N. Y.

Printed in USA